ПИСЬМА

ЛЕДИ РОНДО.

Въ типографіи III. Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

180
1174

ПИСЬМА

ЛЕДИ РОНДО,

СУПРУГИ АНГЛІЙСКАГО МИНИСТРА

при

РОССІЙСКОМЪ ДВОРѢ,

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ 10-го Декабря 1835 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

2007056711

ПИСЬМО I.

С. Петербургъ, Февраля 30-*го* 1729—30.

Милая моя,

Вы думаете, что прежнія церемоніальныя привѣтствія для насъ уже кончились; — такъ думать извинительно такой любительницѣ философіи, какъ вы; по крайней мѣрѣ я теперь могу дать вамъ отчетъ въ моемъ пребываніи въ той странѣ, въ которую увлекла меня моя блуждающая планета. Не уступая волненіямъ души, идя рука объ руку съ моимъ неразлучнымъ другомъ — слабымъ разсудкомъ, я помню всегда моихъ друзей, мою отчизну, не смотря на то, что повидимому равнодушно разсталась съ нею. Теперь я испытываю дѣйствіе моей приверженности къ отечеству, которая тѣмъ сильнѣе, что она подавлена была въ груди моей, во время роковой нашей разлуки. Какъ бы то ни было, я знаю вашу добрую душу, вы не имѣете другой слабости нашего пола, кромѣ снисходительности къ своимъ друзьямъ и потому надѣюсь, будете снисходительны и ко мнѣ, читая описанія лицъ и предметовъ, которыя я намѣрена представить въ томъ видѣ, какъ они находятся предо мною

Начну съ лицъ: такъ какъ по кратковременности моего здѣсь пребыванія я еще не столько познакомилась съ Русскимъ языкомъ, чтобы могла на немъ объясняться, то я и могу судить о людяхъ еще только по наружности. Здѣшніе жители вообще крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста и большею частію красивой наружности. Впрочемъ въ лицахъ ихъ я не нахожу большой выразительности. Что касается до Петербурга, то этотъ городъ прекрасно расположенъ и стоитъ на большой рѣкѣ, именуемой Невою; какъ далеко лежитъ онъ къ Сѣверу, Востоку, Западу, Югу, нескажу ни слова, хотя бы вы и хотѣли опредѣленія точнаго. Его составляютъ три острова: на первомъ находится адмиралтейство, отъ котораго эта сторона и получила названіе; здѣсь же лѣтній и зимній дворцы; второй островъ называется Петербургскимъ, на немъ построена крѣпость и прекрасная церковь, въ которой погребены: Петръ первый, вашъ любимый Герой, Императрица Екатерина и нѣкоторые изъ его дѣтей. Третій островъ называется Васильевскимъ, на которомъ находятся биржа, присутственныя мѣста и другія общественныя зданія; здѣсь назначено селиться купечеству; домы и улицы въ городѣ весьма красивы, но большею частію еще не населены. Адмиралтейская Часть есть самая населенная; Зимній Дворецъ малъ, и образуетъ собою циркулъ. Онъ нисколько не красивъ и внутри раздѣленъ на множество малыхъ, худо расположенныхъ комнатъ, и не представляетъ ничего замѣчательнаго ни по Архитектурѣ, ни по живописи, ни

по мебели Лѣтній Дворецъ еще меньше и хуже, исключая сада, который красивъ и судя по странѣ прекрасенъ, съ пріятною тѣнью и водою; я не могу дать вамъ лучшаго объ немъ понятія какъ сравнивъ его съ нашимъ Англійскимъ Баутономъ. Въ одной мили отъ города есть монастырь Св. Александра Невскаго. О жизни сего Святаго я ничего не знаю; но монастырь начатъ Петромъ Первымъ, и когда построится, будетъ очень хорошъ. Въ честь Св. Александра Невскаго Петръ учредилъ орденъ того же имени. Это второй орденъ; знаки его носятся на красной лентѣ. Нева протекаетъ подлѣ монастырскаго сада и выходитъ изъ города очаровательными изгибами, которые съ вашею поэтическою душею будутъ вѣчно бесѣдовать. Въ городѣ есть прекрасные домы, принадлежащіе дворянству, но они теперь, въ отсутствіе двора стоятъ пусты, при многихъ есть хорошіе сады; близъ одного изъ нихъ я теперь живу, и часто прогуливаюсь; здѣсь я размышляю о томъ, что оставлено мною въ отечествѣ, но я слышу вашъ голосъ, — вы говорите: «прочь съ своею слабостію, продолжайте вашу исторію» я вздыхаю и повинуюсь. Такъ какъ мы прибыли сюда еще только за недѣлю, (съ семействомъ Г. В, съ Г-номъ Р. и еще одною дамою) то я очень удивилась услышавъ однажды, что наши коляски готовы отправиться въ путь, я должна была повиноваться. Въ первые дни, мы отправились посмотрѣть бумажныя фабрики; я особенно любовалась картиннымъ ихъ мѣстоположеніемъ истинно очаровательнымъ. Здѣсь

нѣтъ трактировъ. Человѣкъ занимающійся фабриками принимаетъ всѣхъ посѣтителей, и получаетъ за то пособіе отъ правительства. Намъ подали хорошій ужинъ и отвели двѣ просторныя комнаты для ночлега; комнаты наши устланы были соломою, на которой и были постланы постели. Такъ жили мы во все время нашего путешествія. Въ слѣдующій день мы отправились въ село Петергофъ, принадлежавшее Царю; тамъ небольшой дворецъ стоитъ на горѣ вышиною въ 60 футовъ, на пол-мили отъ моря! Долина, между дворцемъ и морскимъ берегомъ, покрыта густымъ лѣсомъ, который прорѣзанъ дорожками и аллеями, съ водопадами и фонтанами по большому проспекту; передъ дворцемъ проведенъ въ море каналъ, на морскомъ берегу много прекрасныхъ лѣтнихъ домовъ *), изъ дворца видны Кронштатская пристань и берега Финляндіи; во дворцѣ живопись очень хорошая, но отъ небреженія испорчена. Мы скоро поѣдемъ въ Москву; оттуда вы ожидайте отъ меня еще скучнѣйшаго письма, милая, ваша и проч.

---

*) Одинъ изъ сихъ лѣтнихъ домовъ, замѣчательный по любопытной живописи, называется mon plaisir.

ПИСЬМО II.

Москва, Апрѣль 1730.

Милая моя,

Повинуясь вашему приказанію, я, безъ всякаго вступленія, представлю отчетъ о моемъ путешествіи изъ Петербурга въ Москву. Мы выѣхали изъ дому 5 Марта въ саняхъ; это экипажъ, сдѣланный изъ дерева, на подобіе колыбели и обитый кожею; въ немъ можно лежать какъ въ постелѣ, одѣвшись одѣяломъ; жаль что въ саняхъ не можетъ помѣститься болѣе одного человѣка, это лишаетъ удовольствія имѣть общество. Мы ѣхали днемъ и ночью и прибыли въ Москву 9-го числа. Вы скажете, мы очень скоро ѣхали? что на это отвѣчать? не находя для отдыха хорошаго помѣщенія въ дурныхъ комнатахъ, мы на станціяхъ перемѣняли только лошадей; кушаньемъ же на всю дорогу запаслись дома. Народъ весьма учтивъ, но такъ угнетенъ бѣдностію, что едва виденъ въ немъ образъ человѣческій. Если изключите хижины, расположенныя на нѣкоторомъ пространствѣ вокругъ почтовыхъ дворовъ, то вамъ представится страна пустынная, въ которой нѣтъ ни городовъ ни го-

стинницъ. Густой лѣсъ, покрытый снѣгомъ, представляетъ какую то очаровательную картину; я часто воображаю, что снѣгъ на древесныхъ пняхъ и вѣтвяхъ превращается въ многоразличныя фигуры! Между прочимъ я видѣла медвѣдей и волковъ, которые теперь царствуютъ въ лѣсахъ. Я часто желала видѣть въ сихъ мѣстахъ васъ, вы нашли бы здѣсь меня, влюбленную въ морозы, которыхъ въ самомъ дѣлѣ нечего бояться; я должна просить у васъ извиненія, сказавъ, что мы не проѣзжали чрезъ города. Мы ѣхали чрезъ Новгородъ и Тверь; первый замѣчателенъ монастыремъ Св. Антонія, который по преданію пріѣхалъ сюда изъ Падуи *) и привезъ съ собою сокровища для построенія монастыря; внѣшность его не имѣетъ ничего замѣчательнаго, а внутренности я не видала. Тверь весьма веселый городъ, стоитъ на берегу Волги, на склонѣ небольшой возвышенности; строеніе въ немъ также деревянное, домы очень чисты. До сихъ поръ я ничего еще не сказала о городѣ въ которомъ теперь живу, и такъ сдѣлаю маленькое его описаніе. Императоръ посѣщаетъ Москву рѣдко, потому здѣсь нѣтъ собраній, какія бываютъ при дворѣ; кажется что Государь любитъ больше охоту. Главный любимецъ его Князь Долгорукій, который особенно старается занимать его этимъ увеселеніемъ, опасаясь, чтобъ не быть устранену при малѣйшемъ отсутствіи. Шесть мѣсяцевъ назадъ юный Монархъ

*) Не изъ Падуи, но изъ Рима, какъ свидѣтельствуетъ Исторія нашей церкви. Перев.

лишился единственной сестры своей, Великой Княжны Наталіи, дѣвицы необыкновеннаго ума; съ тѣхъ поръ онъ совершенно подчинился власти этого молодаго вельможи, котерый, какъ я слышала, ничего не имѣетъ отличнаго, кромѣ титла. Меня неоднократно посѣщали старинные знакомцы В...., и одна придворная дама временъ вашего Героя. Она съ чрезвычайнымъ искуствомъ разсказываетъ мнѣ объ немъ нѣкоторыя частныя произшествія. Я разскажу вамъ одну такую исторію, она нѣсколько длинна, но по моему мнѣнію, хорошо изображаетъ его благородный характеръ Онъ любилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ со всею нѣжностію дочь одного Офицера, по имени Мунса, и казалось былъ взаимно любимъ ею. Въ одинъ несчастный день онъ пошелъ осматривать крѣпость, строившуюся на морѣ, въ сопровожденіи своихъ и чужестранныхъ Министровъ; на возвратномъ пути Польскій Министръ случайно упалъ въ воду съ подъемнаго моста и утонулъ, не смотря на всѣ усилія спасти его. Императоръ, приказавъ вынуть всѣ бумаги изъ его кармановъ, запечаталъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ выпалъ портретъ; Государь поднялъ его и представьте его удивленіе! — Портретъ изображалъ его любезную. Онъ тотчасъ разламываетъ конвертъ, развертываетъ бумаги и находитъ многія письма руки ея къ умершему, написанныя въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ; оставивъ общество онъ вбѣжалъ въ комнату моей раскасчицы и приказалъ послать за измѣнницею. Когда она вошла, онъ заперъ дверь

и оставшись въ троемъ, спросилъ, для чего писала она къ такому лицу?» она заперлась, но онъ показалъ портретъ и письма, и когда сказалъ о смерти ея любовника несчастная залилась слезами. Государь въ порывѣ страсти началъ укорять ее въ неблагодарности; измѣнница ожидала наказанія, но вдругъ у него самаго полились слезы, онъ сказалъ: « забываю все, я также имѣю слабости: я васъ не могу ненавидѣть, и обвиняю только собственную мою довѣрчивость. Продолжать мою любовь съ вами, значитъ унизить себя; прочь, я умѣю примирить страсти съ разсудкомъ. Вы ни въ чемъ не будете нуждаться, но я съ сихъ поръ васъ уже не увижу. » Онъ сдержалъ слово; скоро она выдана за одного чиновника, которому дана должность въ отдаленной провинціи; Монархъ заботился объ ихъ счастіи до конца жизни и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь. — Я желаю, чтобы вы прочли эту исторію Б. . . . . .

ПИСЬМО III.

Москва, Ноября 4-го 1730.

Милая моя,

Послѣднее письмо ваше исполнено и нѣжности и жестокости. Въ немъ вы показали доброту сердца, извѣщая о многихъ моихъ подругахъ, но запрещаете говорить мнѣ съ ними, совѣтоваться о чемъ либо, требуя повелительно, чтобъ я отвѣчала однѣмъ вамъ, — право, это тиранство, но я должна повиноваться. — Первый вашъ вопросъ: «въ какомъ я обществѣ?» на это съ трудомъ могу отвѣчать. Я обращаюсь ежедневно съ людьми высшаго круга. У жены Польскаго Министра каждый вечеръ бываютъ собранія, куда съѣзжается множество хорошихъ людей, но къ величайшей досадѣ они занимаются большею частію игрою въ карты, впрочемъ къ игрѣ никого не принуждаютъ. Я всегда удивляюсь, какъ люди, одаренные высокимъ умомъ, предаются этимъ столь опаснымъ забавамъ. — Не имѣю нужды говорить, что я здѣсь только зрительница и наблюдательница человѣческихъ слабостей, какъ вы знаете, и какъ дѣвица Белль при-

выкла называть меня. Однажды я встрѣтилась съ молодою дамою, которой также не нравились карточныя игры; она удивлялась этому какъ и я, отъ того ли что она въ этомъ дѣлѣ была также неопытна, или отъ того, что ея сердце исполнено нѣжныхъ чувствованій. Она чистосердечна, добра, умна и вѣжлива; присоедините къ этимъ милымъ достоинствамъ восьмнадцатилѣтнюю весну ея жизни и — это будетъ сестра Императорскаго любимца — Княжна Долгорукая. Она влюблена въ брата Германскаго Посла; онъ щедро награжденъ природой, только ему нужно образовать свой умъ, чего онъ, надѣюсь, достигнетъ. Новая знакомка моя, кажется, желала бы вступить въ бракъ внѣ своего отечества и весьма обходительна съ иностранцами. Въ этомъ собраніи можно быть и не быть, ни кто васъ не спроситъ; ужинъ готовъ для тѣхъ, кто хочетъ остаться. Я воображаю, что здѣсь былъ бы самый лучшій кругъ общества, еслибъ карты не были извѣстны.

Угадываю вашъ вопросъ, вы хотите знать о Русской вѣрѣ? Не зная здѣшняго языка, я не могла составить себѣ о ней основательныхъ понятій и потому скажу немного; вотъ что я замѣтила, находясь при крещеніи и обрученіи; въ первомъ случаѣ дитя погружали три раза въ сосудъ, съ водою; кумъ и кума, или крестный отецъ и мать, имѣли въ рукахъ по восковой свѣчѣ; по совершеніи погруженія Священникъ надѣлъ на дитя бѣлую рубашку; и потомъ прогоняя сатану, велѣлъ воспріемникамъ отрекаться за дитя отъ него и отъ

дѣлъ его; во время сего отреченія онъ и воспріемники, обратясь къ дверямъ, плевали на землю въ знакъ совершеннаго отреченія и побѣды надъ дьяволомъ. Обрученіе совершалось надъ одною изъ моихъ дѣвушекъ такимъ образомъ: жениха представили отцу и матери этой дѣвушки, и когда молодой человѣкъ имъ понравился, то пришли просить на предполагаемый бракъ моего согласія; получивъ оное, женихъ прислалъ невѣстѣ своей въ подарокъ гребенку, румянъ и мушекъ. Когда позволено было имъ видѣться въ первый разъ, они обмѣнялись кольцами; и такимъ образомъ дѣвушка моя сдѣлалась невѣстою. Со дня обрученія, дѣвицы знакомыя невѣстѣ посѣщали ее днемъ и ночью, оплакивая потерю своей подруги; при чемъ пѣли старинныя пѣсни; а по наступленіи дня, въ который надлежало вѣнчаться, со всѣхъ сторонъ пролиты были рѣки слезъ; родственники перенесли ея имущество, состоявшее изъ постели, одѣяла, стола и образа ея Ангела. Одна изъ моихъ дѣвушекъ, какъ главная ея подруга, допущена была провожать ее, другія подруги не имѣли этого права. Что же касается до остальнаго, то для удовлетворенія вашего любопытства обращаю васъ къ Библіи и не желая мѣшать вамъ въ вашемъ добромъ занятіи, имѣю честь пребыть и пр.

ПИСЬМО IV.

Москва, 29-го Декабря 1730.

Милая моя,

Не думайте освободиться отъ моей докучливости, хотя вы сами заставили меня долго скучать въ ожиданіи отъ васъ отвѣта. По отправленіи послѣдняго письма моего къ вамъ здѣсь произошло удивительное событіе. Юный Монархъ (по совѣту своего любимца, какъ предполагаютъ), согласился вступить въ брачный союзъ съ *прелестною* Княжною Долгорукою, о коей я уже писала вамъ. Какой жестокій ударъ для двухъ любящихъ сердецъ. Но въ этой странѣ дѣвицѣ нельзя отказываться отъ таковаго брака, повидимому столь счастливаго. Въ *предыдущіе два дня* происходилъ сговоръ, это значитъ, что бракосочетаніе объявляется всенародно. За день предъ тѣмъ Княжна Долгорукая отвезена была въ великолѣпный домъ, находящійся близъ Дворца, въ которомъ она и будетъ жить до самаго бракосочетанія. На церемонію приглашали весь почетный классъ: посѣтители сидѣли на скамьяхъ въ одной обширной комнатѣ; *Государственные сановники*, и высшее дворянство на одной сторонѣ, иностранные

Министры и чужестранцы на другой. Въ концѣ комнаты возвышался балдахинъ, подъ которымъ стояли двои кресла и налой со Св. Евангеліемъ; по сторонамъ налоя сидѣло множество духовенства. Когда всѣ заняли мѣста, вошелъ Императоръ и разговаривалъ нѣсколько минутъ съ нѣкоторыми особами. Скоро пріѣхала невѣста изъ дому, въ которомъ она жила, въ своей каретѣ, съ матерью и сестрою, а братъ ея, бывшій камергеромъ, ѣхалъ впереди; за тѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ Императорскихъ каретъ, братъ проводилъ сестру до дверей комнаты, гдѣ принялъ ее самъ Императоръ, проводилъ до однихъ креселъ и самъ сѣлъ въ другихъ; эта любезная жертва (такъ я ее называю) одѣта была въ бѣлое глазетовое платье, вышитое золотомъ, волосы были завиты, и четыре косы унизаны драгоцѣнными каменьями; не большая діадима украшала ея голову. Лице ея было блѣдно, и скромные взоры выражали задумчивость; посидѣвъ нѣсколько времени, они встали и подошли къ налою; здѣсь Императоръ наименовалъ Княжну своею невѣстою и размѣнялся съ нею кольцами, потомъ повѣсивъ ей свой портретъ на правую руку приложился вмѣстѣ съ нею къ Евангелію; Архіепископъ Новгородскій прочиталъ краткую молитву и поздравилъ Императора съ обрученіемъ; посидѣвъ еще нѣсколько, онъ назначилъ чиновниковъ и штатсдамъ для двора своей супруги. Послѣ сего подходили къ рукѣ будущей Государыни, которую поддерживалъ будущій ея супругъ, простирая каждому ея руку до тѣхъ поръ, пока всѣ не кончили

поздравленія. Подъ конецъ все собраніе тронуто было, когда подошелъ къ Царской невѣстѣ несчастный, оставленный ею другъ; до сихъ поръ глаза обрученной устремлены были въ землю, теперь она подняла ихъ вверхъ, вырвала руку у Императора и дозволила своему любимцу осыпать ее поцѣлуями; въ эту минуту тысячи различныхъ страстей волновали ея сердце и измѣняли лице; юный Монархъ замѣтивъ это, покраснѣлъ; но когда новая толпа приближилась съ поздравленіемъ, друзья молодаго человѣка вывели его, посадили въ сани и увезли за городъ, какъ можно поспѣшнѣе. Поступокъ любовника слишкомъ смѣлаго и неблагоразумнаго въ высшей степени! —

— Юный Монархъ открылъ съ своею невѣстою балъ, который окончился скоро, и могу думать къ ея счастію, потому что ея спокойствіе, какъ я думаю, послѣ этого произшествія исчезло, и она потеряла присутствіе духа; боязнь и безпокойство выражались въ ея взорахъ. По окончаніи бала она отправилась въ свой домъ, но уже въ Императорской каретѣ съ короною. Вы сердитесь на меня, что я доселѣ не описала Императора. Онъ высокаго росту и довольно толстъ, судя по возрасту; ему 15 лѣтъ, онъ пріятенъ собою, хотя лице и загорѣло отъ частыхъ выѣздовъ на охоту; черты лица правильны, но онъ близорукъ и вообще не смотря на то, что молодъ и красивъ, не имѣетъ привлекательности и пріятности; одѣтъ былъ въ мундиръ свѣтлаго сукна, шитый серебромъ. Такимъ образомъ Княжна Долгорукая сдѣлалась ны-

нѣ Императрицею! Я воображаю, что если бы взорамъ нашимъ теперь можно было проникнуть въ ея сердце, то мы прочли бы въ немъ, что все настоящее ея величіе не облегчаетъ страданій несчастной любви. Въ самомъ дѣлѣ, надобно имѣть низкую душу, чтобъ промѣнять любовь или дружбу на что бы то не было, не исключая и вѣнца. Не будьте равнодушны ко мнѣ и не забывайте той, которая живетъ такъ далеко отъ васъ и проч.

ПИСЬМО V.

Москва, Февраля 1730—31.

Милая моя,

Вы конечно очень скучаете не получая отъ меня письма. Я очень скоро избавила бы васъ отъ горя, если бы почта была исправнѣе. Это письмо я отправляю съ курьеромъ здѣшняго нашего Министра, потому что съ почтою его послать нельзя, хотя дѣла все въ старомъ порядкѣ. Изъ послѣдняго письма вы видѣли, что мы приготовлялись къ великолѣпному зрѣлищу Царскаго бракосочетанія. Оно назначено было 19 Января; 6 числа здѣсь всегда бываетъ большая церемонія по случаю водоосвященія, совершаемаго ежегодно въ воспоминаніе Крещенія Спасителя; при этой церемоніи обыкновенно присутствуетъ Государь, и командуетъ войсками, которые обыкновенно ставятся въ строй на льду рѣки Невы. Бѣдная Государыня также должна была въ этотъ день явиться предъ народомъ. Она проѣзжала мимо моего дома въ сопровожденіи Гвардіи и длиннаго ряда экипажей, съ пышностію какую только можно вообразить; сидѣла она въ открытыхъ саняхъ, нарочно приготовленныхъ для этой

процессіи; Императоръ, по обычаю Русскому, стоялъ за санками. Въ этотъ день было чрезвычайно холодно и отъ того я не поѣхала на обѣдъ ко Двору, куда приглашена была вся знать для принятія юныхъ Монарховъ по возвращеніи ихъ съ церемоніи. Они стояли на льду между войсками въ продолженіи четырехъ часовъ. Какъ скоро вошли въ комнату, то Императоръ началъ жаловаться на головную боль, которая была слѣдствіемъ простуды; призвали медика, который далъ совѣтъ больному лечь въ постель, потому что онъ былъ очень нездоровъ. Этимъ кончилось собраніе. Императрица во весь этотъ день казалась задумчивою, впрочемъ большой перемѣны отъ послѣдняго произшествія въ ней не было замѣтно. Она также разталась съ знакомыми, какъ и встрѣтилась, т. е. съ серьезною ласковостію, (если такъ могу выразиться). На слѣдующій день открылась на Императорѣ оспа, а 19 числа т. е. въ тотъ самый день, въ который назначено совершеніе брака, онъ скончался, въ три часа утра. Я думаю, что многіе въ городѣ не спали въ эту ночь; по крайней мѣрѣ мы не ложились, когда узнали въ какой опасности находился больной. Кто тогда могъ предузнать послѣдствія, которыя произошли отъ сильныхъ споровъ о наслѣдствѣ Престола? *) Въ 8 часовъ

---

*) Согласно воли Императрицы Екатерины 1-й старшая дочь Петра Великаго Анна Петровна, Герцогиня Голштейнская назначена была наслѣдницею трона; но она умерла

слѣдующаго утра провозгласили Императрицею вдовствующую Герцогиню Курляндскую. Она была вторая дочь Царя Іоанна, старшаго брата Петра Перваго. Онъ оставилъ послѣ себѣ трехъ дочерей: старшая была за Герцогомъ Мекленбургскимъ, но она послѣ возвратилась въ С. Петербургъ, гдѣ и теперь живетъ съ одною своею дочерью; вторая была за умершимъ Герцогомъ Курляндскимъ, съ коимъ жила въ супружествѣ только шесть недѣль и осталась вдовою, третья не замужная живетъ здѣсь. По пресѣченіи мужеской линіи Петра Великаго, наслѣдіе перешло въ женскую линію, происходящую отъ старшаго его брата. По этому закону надлежало бы взойти на престолъ старшей его дочери, но она была въ замужествѣ за человѣкомъ безпокойнымъ. Новая Императрица еще въ Курляндіи, ее ожидаютъ скоро сюда. Я воображаю, что вы по своей чувствительности содрагаетесь объ участи молодой, оставленной невѣсты, которая для престола оставила человѣка, ею любимаго и теперь лишилась своего вознагражденія — величія; но я должна сказать вамъ, что Княжна Долгорукая явилась Героинею: она сказала однажды: «какъ членъ Государства, я оплакиваю потерю, какъ частное лице я радуюсь, потому что его смерть освободила меня отъ величайшихъ мученій, какія можетъ только выдумать жесточайшій тиранъ или самый изобрѣтательный кровопійца.» На свою будущую судьбу она смотритъ хладнокровно: свою любовь надѣется по-

скоро послѣ своей матери, оставивъ по себѣ сына, бывшаго Императора Петра III.

давить, что жъ касается до тѣлесныхъ мученій, она ихъ легко перенесетъ; одинъ благородный человѣкъ, видѣвшій эту особу, сообщилъ мнѣ; что когда онъ, нашедши ее оставленною съ одною только дѣвушкою и лакеемъ, служившими ей съ дѣтства, изъявилъ на это свое негодованіе, она отвѣчала. «Милостивый Государь!» съ юныхъ лѣтъ моихъ, до времени обрученія съ вѣнценоснымъ наслѣдникомъ я надѣялась, что никогда не буду предана общему безчестію или доведена до нищеты. Мое сердце наполнено было однимъ предметомъ, съ коимъ и самое уединеніе было бы пріятнымъ.» Казалось она погрузилась въ размышленіе при словѣ: «однимъ предметомъ,» потомъ какъ бы пробудившись быстро произнесла: «Я запретила себѣ думать о немъ съ той минуты, какъ это сдѣлалось для меня преступнымъ; но я могу быть недовольною своимъ семействомъ, котораго поступки достойны порицанія. Я не притворялась въ моей любви, но они принесли меня въ жертву, и вотъ они сами подвергаются за то бѣдствіямъ.» — Вы, милая моя, такъ справедливо судите обо всемъ, что мнѣ не нужно, при описаніи этой сцены предаваться тѣмъ размышленіямъ, къ какимъ невольно возбуждаетъ непостоянство нашег· свѣта. Каждый часъ нашей жизни свидѣтельствуетъ, что наши радости носятъ на себѣ отпечатокъ какой то легкости и насмѣшливости; чтобы пріучиться къ равнодушію во всѣхъ перемѣнахъ, не должно думать, что въ этомъ мірѣ все продолжительно. — Я уже наскучила вамъ письмомъ; впрочемъ еслибы и хотѣла продолжать,

мои поученія, но курьеръ уже ожидаетъ. Прибавлю только, что намъ здѣсь нечего страшиться за нашу жизнь или имущество. — Во все время, какъ мы (особенно я) были въ опасности, я думала поступать гораздо рѣшительнѣе, нежели какъ вы можетъ быть ожидали отъ вашей робкой

Н. Н.

ПИСЬМО VI.

Москва 1731.

Милая моя,

Благодарю васъ за пяльцы, они прекрасны и я скоро примусь за работу. По вашему приказанію я должна писать къ вамъ длинныя письма, удивляюсь, что вы не потребуете, чтобъ я писала не больше двухъ строчекъ. — Я думаю что съ своими письмами похожу очень на извѣстнаго намъ писателя писемъ, у котораго всегда есть и приступъ и постскриптъ, и нѣчто такое, отъ чего выходитъ будто вся книга написана не нарочно. Вы спрашиваете меня, какъ провожу я время? для удовлетворенія вашего любопытства представляю вамъ описаніе одного дня. Такъ мало разнообразія! Вы это увидите прочитавши, чѣмъ я занимаюсь, оставивъ дружескія общества. Встаю въ шесть часовъ, такъ я отстала отъ лучшаго тона! осмотрѣвшись кругомъ, и отдавъ приказанія слугамъ, въ восемь часовъ иду къ завтраку, потомъ занимаюсь часъ съ учителемъ Французскаго языка, послѣ иду въ свою комнату и занимаюсь одна ра-

ботою или чтеніемъ до 12-ти часовъ; одѣвшись, иду въ 1 часъ къ обѣду, послѣ обѣда немножко болтаемъ, потомъ я опять занимаюсь работою или пишу до шести часовъ; въ это время садимся въ коляску, ѣдемъ прогуливаться, или прохаживаемся пѣшкомъ до 8; тогда садимся ужинать; и въ десять часовъ ложимся спать; такъ проходитъ время почти всегда! — Предмѣстія города прелестны; лѣса, воды и поля представляютъ живописные ландшафты. Такъ какъ мужчины имѣютъ большій кругъ знакомства, нежели женщины, и ихъ чаще приглашаютъ въ общества, то я выѣзжаю большею частью одна въ сопровожденіи только одного постояннаго моего друга, — это вы. Во время одной изъ прогулокъ мы встрѣтили домъ, принадлежавшій нѣкогда Князю Меньшикову, нынѣ запустѣлый. Онъ стоитъ на прекрасной равнинѣ, предъ нимъ и позади его широкій прудъ; равнина окружена густымъ лѣсомъ, чрезъ который идутъ неправильныя аллеи со многими натуральными изворотами, ведущими на долину. Мы часто ходимъ сюда прогуливаться; но при всемъ удовольствіи, одно горе, много лягушекъ. Какая нѣжность! — восклицаете вы — бояться лягушекъ. Но разсудите, что я такъ же точно не могу превозмочь своего отвращенія къ этимъ животнымъ, какъ вы не можете терпѣть какого нибудь несноснаго обожателя, хотя я совершенно увѣрена, что ни тѣ ни другія не причиняютъ вреда. Вокругъ города много монастырей: каждый на разстояніи трехъ, четырехъ или пяти миль; они все древніе и не красивы; нѣкоторые великолѣп-

ны; куполы и башни во многихъ монастыряхъ покрыты золотомъ. Это конечно весьма расточительно, но здѣсь монастыри весьма богаты, особенно храмы, мы посѣтили одного изъ монастырскихъ настоятелей, который принялъ насъ весьма ласково, угостилъ кофе, чаемъ и закускою; наконецъ онъ сказалъ, что угститъ насъ по обыкновенію страны; и вотъ мы увидѣли на столѣ множество гороху, бобовъ, рѣдьки, моркови, изъ напитковъ поставлены медъ, пиво и водка. Однимъ словомъ — мы нашли отца настоятеля весьма гостепріимнымъ, человѣкомъ веселымъ и добрымъ; до девяти часовъ мы провели время весьма весело. Около трехъ миль отсюда есть монастырь для благородныхъ дѣвицъ или монастырь вдовствующей Императрицы; я разумѣю первую супругу Петра Перваго; едва внукъ ея взошелъ на престолъ, она оставила монастырь, въ коемъ содержалась какъ узница; здѣсь она имѣетъ свой Дворъ какъ вдовствующая Императрица. Она и Настоятельница могутъ выходить изъ монастыря когда угодно, но только въ монастырскомъ платьѣ.

ПИСЬМО VII.

Москва 1731.

Милая моя,

Вы нетерпѣливо желаете знать исторію вдовствующей Императрицы. Исторію ея жизни разсказываютъ различно, смотря потому, пристрастіе или ненависть руководитъ разскащикомъ, такъ что весьма трудно судить объ истинѣ. Императрица называется Евдокіею и происходитъ изъ благороднаго дома Лопухиныхъ. Царь женился на ней въ юныхъ лѣтахъ (бывши 17 л.) и имѣлъ отъ нея сына (Царевича Алексѣя), который приговоренъ къ смерти и оставилъ послѣ себя сына и дочь; сколько бѣдствій перенесла эта несчастная Государадарыня! самымъ сильнымъ ударомъ была для нея безъ сомнѣнія смерть юнаго Монарха, ея внука; это несчастіе постигло ее тогда, какъ она, казалось, превозмогла уже всѣ свои бѣдствія. Нынѣшняя Императрица весьма уважаетъ эту знаменитую отшельницу и часто посѣщаетъ ее. Она присутствовала при помазаніи Императрицы на царство и сидѣла на нарочно устроенномъ мѣстѣ, откуда она не

была видима. По окончаніи церемоніи Императрица подошла къ ея мѣсту, обняла ее, поцѣловала и просила ея дружества, — при семъ обѣ обливались слезами. Такъ какъ Евдокія вошла въ Церковь тайно, еще прежде самой церемоніи, то и при выходѣ она долго оставалась въ Церкви, и не хотѣла быть на обѣдъ во дворецъ, изъ уваженія къ монашескому одѣянію; толпа придворныхъ по обыкновенію бросилась къ ней съ громкими поздравленіями, которыя она принимала ласково. Вы можете догадываться, что и ваша покорная слуга находилась въ числѣ поздравителей; да, я была такъ счастлива, что могла долго смотрѣть на несчастную. Такъ какъ я одѣта была по Англійски, (по причинамъ, которыя разсказывать будетъ весьма долго и не нужно), то она спросила: кто я такая? послѣ пожелала видѣть меня ближе, смотрѣла на мой уборъ и сказала: «Я слышала, что Англичанки славятся красотою и, думаю, это правда, потому что онѣ не разсчитываютъ того, чтобъ своими костюмами, особенно головнымъ уборомъ, придать себѣ какъ можно больше прелестей и не смотря на то костюмы ихъ очень нарядны и скромнѣе всѣхъ другихъ, сколько я видѣла; особенно шея совершенно покрыта.» Она кромѣ того наговорила мнѣ много лестнаго о моемъ лицѣ, станѣ и проч. и пригласила меня къ своему Двору, котораго пріемы и вѣжливость, какъ видите, она еще не позабыла. Теперь она потолстѣла, но не смотря на ея лѣта, на лицѣ остались слѣды прежней красоты. Ея лице выражаетъ важность и величіе, которыя впро-

чемъ растворены какою то ласковостію. Ея пламенные глаза такъ проницаютъ говорящаго съ ней, что кажется она читаетъ въ самомъ сердцѣ. Если ея судьба также трогаетъ васъ какъ и меня, то я очень довольна, разставаясь съ Вами.

ПИСЬМО VIII.

Москва, 1731.

Милая моя,

Не дивитесь что я ничего не говорю о наружности и характерѣ новой Государыни; признаюсь, я не видала ея въ близи послѣ коронаціи, хотя были балы и маскерады при Дворѣ и у многихъ иностранныхъ министровъ (которые она удостоиваетъ своимъ присутствіемъ) и кромѣ того два раза въ недѣлю бываютъ собранія въ большой залѣ, но я не бывала ни гдѣ; бѣдный В. очень боленъ и нисколько не поправляется. Смотря на его страданія, я не могу не мучиться и мои опасенія увеличиваются со дня на день. Ахъ, еслибъ мнѣ не много вашей философіи въ несчастіяхъ, но я нисколько не имѣю твердости, не смотря на то, что силюсь укрѣпить свою слабую душу, чтобъ хотя съ приличіемъ сносить несчастіе. Теперь вдвойнѣ чувствую разлуку съ моими друзьями, особенно съ Вами. Вы своею опытностію и разсудительностію могли бы меня утѣшить и внушить твердость. Случай познако-

милъ меня съ однимъ дворяниномъ и его женою, людьми чрезвычайно добрыми. Они съ трудомъ оставляютъ меня, и такъ какъ мой больной охотно остается съ ними, то они ходятъ за нимъ во время моего сна; и теперь они съ нимъ, когда я иду спать въ первый разъ чрезъ трое сутки. Но прежде нежели наслаждусь покоемъ, спѣшу увѣрить Васъ, что я при всѣхъ перемѣнахъ въ жизни Ваша и проч.

ПИСЬМО IX.

Москва 1731.

Милая моя,

Сердечно благодарю васъ за вашу великодушную заботливость, которую вы выражаете въ письмахъ. Я гораздо здоровѣе нежели, какъ можно предполагать; но не смѣю сказать тогоже о состояніи моей души. Ваша душа такъ мало подвержена слабостямъ человѣческой природы, что вы съ трудомъ можете представить слабость душъ чувствительныхъ. Я смотрю на васъ, какъ на мужчину, который не хочетъ во время несчастій искать женскаго утѣшенія въ слезахъ. Хотя вы иногда согласны допустить малодушіе, дѣтское уныніе при первыхъ ударахъ судьбы, но вы требуете, чтобы когда пройдутъ первые порывы скорби, по прежнему вами управляли разсудокъ, рѣшимость и отреченіе отъ слабостей человѣческихъ. Удивляюсь вашему образу мыслей, но не думаю, чтобъ когда нибудь я могла подражать вамъ. На мнѣ лежитъ теперь

множество обязанностей и я не могу въ точности поддерживать нашу переписку. Надѣюсь, вы меня простите. Я льщу себя счастіемъ, что будущимъ лѣтомъ возвращусь въ Англію. Здѣсь бесѣды ваши излечатъ меня отъ унынія въ несчастіяхъ, наставятъ меня, какъ должно вести себя, чтобъ сохранить названіе вашей и проч.

ПИСЬМО X.

Москва 1731.

Милая моя,

Я въ точности исполнила ваше предписаніе— думать постоянно о васъ во все то время, какъ, пользуясь вашимъ снисхожденіемъ, я не отвѣчала на ваши письма. Когда мои дѣла уменьшатся, я еще не знаю; напротивъ думаю, что они увеличатся. Съ трудомъ нашла время рекомендовать вашей дружбѣ и покровительству подателя этого письма, Г-на Г., какъ иностранца не знающаго нашей страны и языка. Онъ тотъ самый другъ, который такъ былъ добръ ко мнѣ во время болѣзни В. Его жена остается со мною во все время пребыванія его въ Англіи; онъ пробудетъ у васъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ своихъ дѣлъ. Онъ весьма добрый и веселый человѣкъ и, думаю, васъ займетъ пріятно. Ему препоручаю отвѣчать на всѣ вопросы, которые вы можете сдѣлать о вашей и проч.

ПИСЬМО XI.

Москва 1732.

Милая моя,

Прежде всего я должна благодарить васъ за ласковый пріемъ моего друга. Я угадывала, что его бесѣды вамъ понравятся. Думаю и кажется не ошибаюсь, что мнѣ не въ чемъ раскаяваться, препоручивъ его вамъ; но онъ очень худо заплатилъ мнѣ за доставленіе такого знакомства, разсказавъ вамъ какую то исторію о молодомъ человѣкѣ; которой вы очень радуетесь или, лучше сказать, которую вы такъ серьезно принимаете, поелику я все сказанное вами почитаю серьезнымъ. Но на этотъ разъ вы кажется шутили, иначе я разсердилась бы на васъ. — Я читаю въ вашемъ письмѣ слѣдующія строки: «Надѣюсь васъ скоро поздравить, ибо я слышала, что молодой человѣкъ изъ знатной фамиліи, съ орденомъ, имѣетъ пышный экипажъ и состояніе.» Можете ли вы такъ мало, такъ презрительно думать обо мнѣ, воображая,

что все это имѣетъ въ глазахъ моихъ значительный вѣсъ? Нѣтъ, это не обворожитъ меня, если нѣжный мой наставникъ, сердце, ожидаетъ еще выбора мужчины, которому оно отдаетъ преимущество; но когда этотъ тихій диктаторъ не соглашается или молчитъ, тогда должно быть или низкимъ или ничтожнымъ человѣкомъ, чтобъ прельститься тѣмъ, что украшаетъ часто и глупца и бездѣльника. Я не хочу, чтобъ вы принимали слова мои на счетъ человѣка, о которомъ вамъ говорили. Онъ по моему мнѣнію человѣкъ почтенный, но я никогда не думала выйти за него за мужъ. Я воображаю на этотъ разъ, что вы почитаете это дѣло совершенно рѣшеннымъ, потому что я такъ горячо вступилась за ваши слова. Но я такъ далека отъ этого, какъ ненавижу безразсудныхъ мужчинъ (исключая немногихъ, кои не имѣютъ этого порока), которые вообразивъ, что они нравятся нашему полу, вдругъ пристаютъ убѣждать свою жертву, что они влюблены. Касательно этого я не раздѣляю образа мыслей здѣшней страны, въ которой поступаютъ съ женщинами такъ, какъ будто бы онѣ всегда ждали или искали, кто бы къ нимъ присватался или какъ будто бы онѣ не знали, что такое брачный союзъ. Здѣсь думаютъ, что женщина, встрѣтивъ мужчину съ состояніемъ изъ хорошей фамиліи, не смотря на всѣ его недостатки, спѣшитъ завербовать его; станутъ дивиться. если вы скажете «онъ не можетъ быть моимъ мужемъ, я не могу любить его,» потому что не имѣютъ никакого понятія, что значитъ это слово любовь. Такія важныя разсуж-

денія напоминаютъ мнѣ, что и въ нашемъ отечествѣ есть люди, которые также думаютъ; главная забота состоитъ въ томъ, чтобъ жить какъ называется полюдски, — wordly — все остальное романъ. Я разскажу вамъ одну исторію, чтобъ дать вамъ образчикъ сѣверныхъ модниковъ и красавицъ. Меня пугаетъ только ваша чинность (извините, ваше благоразуміе), но какъ бы то ни было, я не могу удержаться; вы можете опустить флеръ, потому что я начинаю. Здѣсь есть молодой человѣкъ, модникъ, путешествовавшій во Франціи и пр. Возвратившись домой онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ красавицъ въ домѣ своего знакомаго, гдѣ онъ танцовалъ, пѣлъ, смѣялся, былъ свободенъ съ дамами à la mode de Paris. Показавъ опыты своей ловкости онъ началъ хвастать, что успѣлъ возбудить къ себѣ любовь въ каждой изъ красавицъ и это дошло до ушей de Mess. leurs maris. (ибо онѣ были замужнія); мужья долго смотрѣли не зная на что рѣшиться, наконецъ высказали прямо своимъ женамъ, что они ими очень недовольны. Дамы пожелали, чтобъ имъ позволено было привести съ собою этого господина къ своимъ мужьямъ. Всѣ эти четы условились, чтобъ одна изъ нимфъ пригласила его на ужинъ къ себѣ въ домъ, не объявляя, что съ нимъ еще будетъ. Онъ полетѣлъ на крыльяхъ любви на свиданіе и его приняли какъ не льзя лучше, Но въ минуту его высочайшихъ надеждъ хозяйка начинаетъ его упрекать за рѣчи, которыя онъ говорилъ. Онъ запирался; но къ нимъ входятъ другія дамы съ своими мужьями, сви-

дѣтелями его вины и обличаютъ его совершенно. Мужья произнесли приговоръ, чтобы жены его высѣкли. Одни говорятъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ это сдѣлали, а другіе, что онѣ препоручили экзекуцію своимъ дѣвкамъ. Только вѣрно, что наказаніе было такъ жестоко, что бѣднякъ пролежалъ нѣсколько дней въ постелѣ; но сами ли дамы были исполнительницами приговора или только зрительницами, не извѣстно; по этому вы можете судить, въ какомъ состояніи находится galanterie въ сѣверномъ климатѣ. Прощайте.

ПИСЬМО XII.

Москва 1732.

Милая моя,

Господинъ Г. отъ васъ съ ума сходитъ и только объ васъ говоритъ. Его жена признавалась мнѣ, что она уже чувствуетъ ревность; прошу васъ остерегаться; вы слышали, какъ наказываютъ на сѣверѣ за такія преступленія, хотя я убѣждена, что она о такихъ вещахъ также думаетъ, какъ и вы, впрочемъ кто знаетъ, чего примѣры не дѣлаютъ! Она мнѣ говорила, что намѣрена посѣтить Англію, берегитесь, повторяю. Ожидали ли вы такого отвѣта, какой я вамъ сдѣлаю на вашъ вопросъ? Ожидаете или нѣтъ, я скажу правду, какъ могу; вотъ онъ: я колеблюсь и не могу сказать, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ кажется, онъ человѣкъ съ умомъ, (сколько могу судить) имѣетъ кроткій нравъ и ровный характеръ, сколько можно знать объ характерѣ, живя въ одномъ домѣ. Его весьма уважаютъ мужчины, но какъ говорятъ, онъ не обращаетъ на себя общаго вниманія женщинъ. Должно ли мнѣ идти на перекоръ всему нашему полу? я не могу рѣшить

Признаюсь, я чрезвычайно уважаю и цѣню его; предоставляю вамъ угадывать будущее, что касается до настоящаго, — я не знаю, что сказать. — Говорятъ, Дворъ зимою переѣдетъ въ С Петербургъ; въ такомъ случаѣ дѣла мои принудятъ меня отправиться тудаже. Вы весьма многаго отъ меня требуете, но я могу сказать весьма мало для удовлетворенія вашихъ желаній, потому что въ настоящемъ положеніи я ни куда не выхожу. Фамилія Долгорукихъ въ изгнаніи, равно какъ и бѣдная минутная Императрица. Они отправлены въ тотъ же городъ, гдѣ находятся въ изгнаніи и дѣти Князя Меншикова. Такимъ образомъ двѣ женщины, которыя попеременно стремились завладѣть юнымъ Царемъ, могутъ встрѣтиться въ изгнаніи. Какой предметъ для трагедіи! Говорятъ, что дѣти Меншикова будутъ возвращены, и та самая стража, которая Долгорукихъ проводитъ въ ссылку, возвратитъ въ С. Петербургъ семейство Меншиковыхъ. Если это правда, то это благородно, потому что Князь Меншиковъ былъ непримиримымъ врагомъ теперешней Императрицы, говорилъ и обращался съ нею весьма грубо. Вы можетъ быть удивляетесь, что ссылаются женщины и дѣти? отецъ семейства впавши въ несчастіе увлекаетъ естественно за собою и все семейство, потому, что преступникм лишаются всего имѣнія, исключаются изъ сословія дворянъ, никто не спроситъ объ нихъ въ обществѣ. Иногда говорятъ: «такой то раззорился,» но никогда не услышишь, что такой то въ немилости. Если кому удается снова

снискать милость при Дворѣ, то всѣ ласкаютъ ихъ, но не говорятъ ни слова о случившемся. Но я пишу вамъ о томъ, о чемъ вы уже слышали отъ меня сто разъ и не могу сказать ничего занимательнаго для васъ. Но вы принуждаете меня, повторяете приказанія, передавать вамъ самыя мелочныя наблюденія; я ихъ стыжусь. Надѣясь на наше дружество, я увѣрена, что вы только сами прочтете эти бездѣлицы и никому ихъ не покажете. Ваша и пр.

ПИСЬМО XIII.

Москва 1733.

Милая моя,

Для васъ безъ сомнѣнія не удивительно, что я перемѣнила имя; думаю, что вы уже были увѣрены, тогда какъ я была въ величайшей нерѣшимости; надѣюсь, вы будете благодарить меня за то, что пишу къ вамъ тогда, какъ мнѣ не остается почти нисколько времени отъ визитовъ. Мы представлялись ко двору и теперь приготовляемся къ отъѣзду въ С. Петербургъ, куда мы отправляемся чрезъ десять дней. Г-нъ Г. и его супруга съ нами неразлучны; отъ этого и наше путешествіе будетъ не такъ скучно. Такъ какъ дворъ переѣзжаетъ въ это же время, то намъ нельзя будетъ получать почтовыхъ лошадей, и мы должны будемъ останавливаться въ избахъ, какъ прежде описывала; дней чрезъ 12 вѣроятно прибудемъ въ Петербургъ. Меня отрываютъ отъ письма гости; должно до переѣзда въ Петербургъ проститься съ вами.

ПИСЬМО XIV.

С. Петербургъ 1733.

Милая моя,

Портретъ моего друга, нарисованный вами въ воображеніи, весьма близокъ къ подлиннику. Такъ какъ вы увѣрены, что я занята теперь одною страстію, страстію нѣжной любви, то можно ли требовать отъ меня описанія празднествъ, по случаю прибытія Ея Величества въ Петербургъ. Короче, вы имѣете все любопытство нашей прабабушки Еввы, но вы избѣгасте всѣхъ его непріятностей; я напротивъ чувствую нѣчто подобное. Г-нъ Г. говоритъ мнѣ, что онъ прежде разсказывалъ вамъ много подобныхъ церемоній: но должно вамъ повиноваться. Ея Величество была встрѣчена въ двухъ миляхъ отъ города всѣми членами присутственныхъ мѣстъ, сухопутными и морскими Офицерами, иностранными купцами, членами Академіи и Иностранными Министрами. Она проходила пятью тріумфальными воротами, нарочно построенными на этотъ случай, заѣхала въ церковь и принесши благодарность Всевышнему, отправилась въ каретѣ съ прежнимъ великолѣпіемъ ко дворцу; здѣсь при входѣ встрѣчена была многими привѣтственными рѣча-

чами. Когда все это кончилось, пошли къ обѣду; за столомъ съ Императрицею сидѣли высшіе сановники двора съ своими женами и Иностранные Министры также съ женами; всѣхъ числомъ около 80. Въ другихъ комнатахъ накрыты были столы для остальной части собранія, вечеромъ былъ балъ. Теперь у меня есть время и случай описать вамъ Дворъ; начну съ Царицы: она почти моего росту, но нѣсколько толще, съ стройнымъ станомъ, смуглымъ, веселымъ и пріятнымъ лицемъ, черными волосами и голубыми глазами. Въ тѣлодвиженіяхъ показываетъ какую то торжественность, которая васъ поразитъ при первомъ взглядѣ; но когда Она говоритъ, на устахъ играетъ улыбка, которая чрезвычайно пріятна. Она говоритъ много со всѣми и съ такою ласковостію, что кажется, будто вы говорите съ кѣмъ-то равнымъ. Впрочемъ она ни на одну минуту не теряетъ достоинства Монархини; кажется, что Она очень милостива и думаю, что Ее бы назвали пріятною и тонкою женщиною, еслибъ она была частнымъ лицемъ. Сестра Императрицы, Герцогиня Мекленбургская, имѣетъ нѣжное выраженіе лица, хорошее тѣлосложеніе, волосы и глаза черные, но мала ростомъ, толста и не можетъ назваться красавицею; нрава веселаго, и одарена сатирическимъ взглядомъ. Обѣ сестры говорятъ только по Русски и могутъ понимать по Нѣмецки. Третья сестра Императрицы, скончалась въ дѣвицахъ незадолго до прибытія Двора изъ Москвы; она была больна, когда я увидѣла ее; была красавица. Дочь Герцогини Мекленбургской, усынов-

ленная нынѣшнею Императрицею, Принцесса Анна, еще дитя, не весьма красива и по природѣ застѣнчива, такъ что трудно сказать, что изъ нея будетъ. Наставница ея, прекрасная женщина во всѣхъ отношеніяхъ. Великая Княжна Елисавета, дочь Петра I-го, какъ вы уже знаете, истинная красавица, съ свѣтло смуглыми волосами, большими выразительными, голубыми глазами; прекрасные зубы и очаровательныя уста, дополняютъ картину красоты. Можетъ быть съ годами сдѣлается она толста, но теперь прелестна и танцуетъ лучше всѣхъ женщинъ, сколько я ихъ ни видала; говоритъ по Нѣмецки, по Французски и по Италіански, чрезвычайно веселаго нрава и можетъ говорить съ каждымъ, какъ бы ни велико было общество, но строго соблюдаетъ церемоніи Двора. Графъ Бирон и его супруга, первые любимцы Ея Величества, къ которымъ она такъ привязана, какъ будто бы все Ея могущество въ нихъ заключалось. Онъ Оберъ-Камергеръ, красивый мужчина, но съ какимъ то отталкивающимъ взглядомъ, впрочемъ это также мало служитъ знакомъ великаго ума, какъ и въ нашемъ бѣдномъ Сиръ Томасѣ В., впрочемъ когда онъ начинаетъ говорить, то становится ласковымъ. Графиня, женщина низенькаго росту и весьма красива, но лице ея испорчено оспою, за то шея самая прелестная. Герцогини Мекленбургская и Великая Княжна Елисавета имѣютъ каждая свой Дворъ и особенные дворцы, но у нихъ не бываетъ большихъ собраній, по этому онѣ весьма часто бываютъ у Императрицы. Когда онѣ намѣрены быть

при Дворѣ, то прежде посылаютъ доложить Государынѣ, можетъ ли она ихъ принять. Въ день рожденія, утромъ онѣ принимаютъ поздравленія у себя, а ввечеру у Императрицы. Принцесса Анна живетъ съ Государынею, какъ ея дочь. Большая зала во дворцѣ весьма удобна для собраній; имѣетъ круглый видъ и весьма обширна. Государыня и Принцессы занимаются картами, гости могутъ также свободно составлять партіи; но думаю, вы уже желаете чтобъ я вступила въ какую нибудь новую партію и сказала вамъ прости. Ваша и пр.

ПИСЬМО XV.

С. Петербургъ 1733.

Милая моя,

Теперь я въ состояніи отдать Вамъ отчетъ о себѣ самой собственноручно, хотя я теперь такъ блѣдна и тоща, что если бы вы увидѣли меня, то едва ли бы узнали вашу старинную подругу; особенно когда Г-нъ Г. недавно извѣстилъ васъ, что я съ нѣкотораго времени сдѣлалась чопорною. Этого нѣтъ совсѣмъ въ моемъ характерѣ, я до сихъ поръ совершенное дитя! Я не имѣю обыкновенія вдругъ отворачиваться или съ презрѣніемъ улыбаться на небольшія шалости молодыхъ людей, не пожимаю выразительно плечами, слушая разсказъ о легкомыслiи нашихъ угодниковъ; тогда я имѣла бы такой характеръ! но, время производитъ чудеса, обо мнѣ разсуждаютъ чрезвычайно оригинально: «она «прекрасна, съ умомъ; нѣкоторые говорятъ, на- «смѣшница; но я не знаю о ней больше, кромѣ то- «го что она любитъ Н.» «О! свѣтъ истинно злостенъ!» «Тутъ не было ничего дурнаго; но моло- «дежъ должна быть осторожна, хотя хорошіе люди «говорятъ, что она женщина, какъ быть; я очень

«радъ и говорю это не для того, чтобъ сказать о ней «что нибудь.» Теперь я открыла все и боюсь, что вамъ все ввѣрила; если вы мнѣ измѣните, что мнѣ дѣлать? Надѣюсь на вашу скромность, но всегда держусь одного правила, (вы знаете, я всегда такъ думала), что женщинѣ должно бояться насмѣшекъ своего пола. Мы женщины отличаемся непримиримою враждою другъ къ другу, и должно признаться, что другой полъ обходится съ нами гораздо человѣколюбивѣе нежели мы другъ съ другомъ; если вы хотите, чтобъ я исполняла ваши порученія съ большою свободою, то прошу васъ, не показывать письма ни одной женщинѣ, иначе я совершенно лишусь покоя! Мнѣ чрезвычайно хочется разсказать вамъ, по какому случаю я заслужила названіе чопорной, хотя надобно признаться, объ этомъ не должно бы было говорить, и если бы и не имѣла довѣренности къ вашей дружбѣ, и не знала что вы сохраните тайну, ни что бы не принудило меня разсказать Вамъ эту исторію. Во время путешествія изъ Москвы Госпожѣ Г.... и мнѣ нужно было перемѣнить бѣлье, потому что мы уже нѣсколько дней были въ дорогѣ; мы вошли въ одну крестьянскую избу, въ которой мы видѣли однѣхъ только женщинъ; мы попросили нашихъ мужей, что бъ они прогуллялись, пока мы перемѣнимъ бѣлье. Такъ и сдѣлано. Я уже раздѣлась, моя подруга готова была тоже сдѣлать, но взглянула вдругъ на печь и увидѣла тамъ спящаго мужчину (что часто бываетъ въ жестокіе морозы); она закричала; мужья наши, безпокоясь не обижаетъ ли кто насъ, взошли

въ комнату. Они захохотали и воротились назадъ, но послѣ стали смѣяться, что при нашемъ туалетѣ участвовалъ элегическій пастушекъ; — это взбѣсило меня и я при ихъ насмѣшкахъ приняла важный тонъ, и вотъ тогда онъ назвалъ меня чопорною. Кажется, вы меня уже спрашиваете: а точно ли мужикъ на печи спалъ? Да, я такъ думаю, впрочемъ онъ смотрѣлъ такъ глупо, что это все равно. Мое письмо наполнено болтовнею какой нибудь кумушки; впрочемъ это нѣкоторымъ образомъ ко мнѣ идетъ. Уже три мѣсяца какъ я разрѣшилась отъ бремени и еще не выхожу; но такъ какъ я не страдаю въ душѣ, то надѣюсь что скоро совершенно выздоровѣю. Правда это первые роды, но будь сказано между нами, я боюсь ужасно, если мнѣ должно быть еще разъ въ такомъ состояніи. Спустя день послѣ разрѣшенія одинъ Русскій вельможа посѣтилъ Г-на Р. и настоятельно требовалъ, видѣть меня. Онъ взошелъ на минуту въ спальню и поздравивъ меня, подалъ червонецъ, убѣждая принять его тѣмъ, что по общему вѣрованію, умретъ или мать или дитя, если монета не будетъ принята. Это меня весьма развеселило, потому что я въ это время была ни жива ни мертва; но все прошло благополучно. Ваша и пр.

ПИСЬМО XVI.

С. Петербургъ, 1733.

Милая моя,

Въ этомъ письмѣ я намѣрена писать вамъ о Туркахъ, Татарахъ и Китайцахъ; потому что изъ этихъ странъ прибыли сюда послы. Турокъ говоритъ по Французски; посѣщаетъ всѣхъ министровъ, чего ни одинъ изъ его единоземцевъ доселѣ не дѣлалъ; этотъ посолъ напротивъ говоритъ, что еслибъ дворъ сталъ ему въ этомъ отказывать, то сдѣлано будетъ то же и съ Русскимъ Министромъ въ Константинополѣ. Не давно онъ обѣдалъ съ нами и пилъ вино, не смотря на то, что онъ окруженъ былъ многочисленною свитою. Кто-то въ одномъ обществѣ пилъ за здоровье славной Парижской красавицы, и онъ сказалъ вслухъ: «Car elle est fort de mes amies.» Онъ красивъ собою, высокъ ростомъ, одѣвается со вкусомъ, въ разговорахъ отличается Французскою живостію и остротою. Татарскій посолъ напротивъ весьма нескладенъ, съ весьма плоскимъ лицемъ, что у Татаръ считается

величайшею красотою. Одинъ изъ нихъ Княжескаго рода и прибылъ сюда съ женою и дѣтьми, просить у Ея Величества защиты отъ своихъ сосѣдей. Они Магометане и весьма малорослы; ѣдятъ лошадей: я сама однажды видѣла, что къ нимъ въѣхали на дворъ три или четыре воза съ этими припасами. Китайцы по очертанію лица весьма походятъ на Татаръ. Въ тотъ день, какъ имъ давали аудіенцію (это было поутру) при дворѣ былъ балъ. Когда собрались гости, то они вошедши въ залъ съ своими переводчиками, казалось, замѣчали всякую бездѣлицу съ любопытствомъ явныхъ невѣждъ. Ея Величество спросила у главнаго изъ нихъ (ихъ было тутъ трое), «какая дама здѣсь прелестнѣе всѣхъ? онъ отвѣчалъ: «смотря на небо въ звѣздную ночь, можно ли сказать, которая звѣзда болѣе блеститъ?» Но видя что Императрица желаетъ рѣшительно знать, кого онъ предпочтетъ, онъ вѣжливо поклонился Великой Княжнѣ Елисаветѣ и сказалъ: «изъ числа всѣхъ этихъ прелестныхъ дамъ, я почитаю эту прекраснѣйшею, и еслибъ только у нее были не такъ велики глаза, то никто бы не могъ взглянуть на нее, и послѣ жить,» Во всякой странѣ свои понятія о красотѣ; по нашему вкусу у Великой Княжны прекраснѣйшіе глаза. Ея Величество спросила Посла: «изъ всего того, что ты здѣсь видишь, что болѣе всего поражаетъ тебя несходствомъ съ обыкновеніями твоей страны? «Видѣть женщину на престолѣ,» отвѣчалъ онъ. Послѣ этого они введены въ придворный маскерадъ, и когда спросили ихъ, не кажется ли имъ, это стран-

нымъ? они отвѣчали: «нѣтъ, потому что для насъ здѣсь все маскерадъ.» Ихъ подвели къ Иностраннымъ Министрамъ и наименовали Государей отъ которыхъ они сюда посланы. Когда ихъ подвели къ Р . . . . они сказали «мы знаемъ съ дѣтства Англичанъ, потому что многіе изъ нихъ были у насъ въ отечествѣ и называли насъ братьями.» Не давно Г. Р. и я прогуливались въ лѣтнемъ саду; вдругъ пріѣхали эти Послы, посмотрѣть на садъ; когда мы встрѣтились съ ними, они начали обнимать Г. Р.; одинъ изъ нихъ открылъ маленькій кошелекъ, висѣвшій на сторонѣ и подалъ изъ него мнѣ свертокъ съ какой-то матеріею, похожею на Японскую землю — я догадалась, что это былъ самый лучшій черный чай. Они сказали Г-ну Р... «мы думаемъ, что Англичане весьма благоразумно сдѣлали, позволивъ женщинамъ выѣзжать изъ Государства и располагать собою свободно;» далѣе они говорили, что чрезвычайно рады видѣть меня, потому что прежде не видали ни одной Англичанки, и что они знаютъ что у меня было столько любви и бодрости, чтобъ рѣшиться вдали отъ своей родины вступить въ бракъ. Сюда ожидаютъ также Персидскаго Посла, и если я буду въ состояніи что нибудь сказать о Персахъ, то постараюсь доставить вамъ это удовольствіе. Но ни одинъ Министръ такъ не удивилъ меня, какъ Польскій: когда онъ сдѣлалъ мнѣ первый визитъ, то вбѣжалъ къ намъ какъ бѣшеный и когда онъ хотѣлъ цѣловать у меня руку, то я испугалась, что онъ выбьетъ мнѣ зубы; но онъ вдругъ остановил-

ся и сталъ какъ вкопаный, такъ что я опустила руку — короче онъ и я смѣшались. Здѣсь мой Р . . . . мнѣ измѣнилъ, надо мной стали шутить. Я весьма бы желала видѣть васъ здѣсь, хотя бы на одинъ мѣсяцъ; здѣсь весьма много замѣчательнаго, но вы робки и вмѣстѣ любопытны; мнѣ остается только увѣрить, что я есмь и пр.

ПИСЬМО XVII.

С. Петербургъ, 1734 .

Милая моя,

Благодарю за присылку сколковъ для вышиванія; я ихъ получила, они чрезвычайно хороши. Теперь умѣю класть тѣнь и дѣлать канелевыя полосы. — Вы удивляетесь, что я хочу заниматься такою работою; правда я ее весьма люблю (въ свободные часы она доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе). Но я бы никогда бъ не подумала просить у васъ такихъ огромныхъ фигуръ: это для Графини Бирона, для которой работаетъ множество рукъ. Она величайшая охотница до шитья золотомъ, и когда услышала, что у меня есть шитье моей работы, то хотѣла непремѣнно его видѣть; съ тѣхъ поръ она присылаетъ за мною два или три раза въ недѣлю чтобъ работать съ нею. Это послужило мнѣ къ двойной пользѣ: во-первыхъ выгодно для Г-на Р. по его дѣламъ, во-вторыхъ доставило мнѣ случай такъ хорошо видѣть Государыню, какъ никому другому не удастся; потому что она всегда приходитъ въ комнату, въ которой

мы работаемъ; Ея апартаменты смежны съ комнатами Графини; она часто ходитъ мимо и приходитъ къ намъ нарочно въ послѣобѣденное время, не извѣщая никого о своемъ приходѣ и не желая чтобъ мы вставали; часто сама садится съ нами за работу. Много разъ она спрашивала меня объ Англіи, особенно о Королевѣ. Она сказала мнѣ однажды. «Я весьма желала бы видѣть Ея Величество у се«бя въ Россіи: Я встрѣтила бы ее на половинѣ «дороги.» Ей нравится, когда я дѣлаю попытки говорить съ Нею по Русски и такъ милостива, что всегда поправляетъ меня, когда я дѣлаю ошибки, что случается со мною весьма часто, потому что я говорю по Русски весьма мало, хотя и понимаю все о чемъ говорятъ. Мнѣ весьма пріятно, что я нашла столь человѣколюбивою и кроткою эту жену, которая облечена столь великою властію. Въ комнатѣ при Ней бываетъ обыкновенно пять или шесть дамъ, и одинъ или два кавалера; всѣ говорятъ весьма свободно. Хотя Она принимаетъ участіе въ разговорѣ, и говоритъ на равнѣ съ другими, но всегда сохраняетъ свое достоинство, впрочемъ такъ, что прогоняетъ и малѣйшую робость. Я не одинъ разъ видѣла Ее обливающеюся слезами, когда разсказывали ей какую нибудь печальную исторію. Она показываетъ непритворный ужасъ при малѣйшемъ знакѣ жестокости, такъ что можно сказать, Ея душа одарена самыми любезными качествами, какія только можно найти. Я увѣрена, Провидѣніе явило Россіи особенную благость, вручивъ власть надъ нею та-

кой женщинѣ; еслибъ я говорила о Ней, какъ о частномъ лицѣ, то сказала бы, что въ этой женщинѣ больше здраваго ума нежели остроумія; если когда у Ней вырываются короткіе сатирическіе отвѣты, то они всегда умѣряются такою добротою, что Ея острота не оскорбляетъ никого; Она владѣетъ мужествомъ, презираетъ робость; Она говоритъ весьма раздѣльно и голосъ Ея чистъ. Я часто удивлялась любопытству, свойственному каждому человѣку; всѣ хотятъ узнать правъ Государей; характеръ ихъ собственно важенъ для ихъ подданныхъ; дѣйствія ихъ какъ Государей, не касаются другихъ частныхъ лицъ; правда жизнь ихъ есть самый блестящій примѣръ для общества: но этотъ примѣръ скрытъ для большой части народа и потому имѣетъ мало вліянія; и при всемъ томъ у насъ есть любопытство! Мнѣ открывается случай, скоро писать вамъ изъ другаго климата и о другихъ предметахъ; прошу не бояться, когда вы получите письмо изъ военнаго лагеря. Я не могу вамъ теперь подробно описать этого случая, меня замѣнитъ вамъ мой братъ; будьте увѣрены, что при всѣхъ перемѣнахъ я есмь и проч.

ПИСЬМО XVIII.

С. Петербургъ, 1734.

Милая моя,

Ваша душа создана для дружбы, — въ этомъ я убѣждена, но она не знаетъ любви, иначе вы не стали бы удивляться моей рѣшимости слѣдовать въ походъ за моимъ Р . . ., если ему должно будетъ туда отправиться; я знаю всѣ трудности, которыя ваша дружба представляетъ въ самомъ увеличенномъ видѣ; даже сознаюсь, что я не одарена отъ природы вашею твердостію, мнѣ все кажется опаснымъ и страшнымъ, моя робость представляетъ все еще ужаснѣе, но я нахожусь въ такомъ состояніи, въ которомъ я забываю всю опасность, весь страхъ — я за мужемъ. Еслибъ я была увѣрена напередъ, что буду свидѣтельницею всѣхъ ужасныхъ сценъ, нарисованныхъ вашею дружбою и моею робостію, я отваживаюсь и тогда раздѣлять съ нимъ походъ, хотя онъ изъ любви ко мнѣ непозволяетъ себѣ просить меня объ этомъ; мысль, что мое присутствіе будетъ для него пріятнымъ, проведетъ меня сквозь всѣ опасности. Я не остановлюсь и тогда, когда

любовь его будетъ меня отъ того удерживать; такъ какъ уже я твердо рѣшилась, то оставляю этотъ предметъ до времени, и буду бесѣдовать съ вами обыкновеннымъ тономъ. Недавно былъ день рожденія Императрицы; въ этотъ день дворецъ украшается ежегодно всѣмъ, что производитъ природа. Нынче торжество происходило въ новой залѣ, которая гораздо шире Виндзорской залы Св. Георгія. Такъ какъ въ этотъ день было холодно, то залу натопили, потомъ украсили миртовыми и померанцовыми деревьями, на которыхъ лишь вполнѣ распустились цвѣты. Деревья разставлены были рядами и образовали съ двухъ сторонъ алеи; средина залы оставлена была для танцевъ. Утомленные гости часто уходили въ густоту деревъ, садились кругами, не бывъ безпокоимы взорами Государыни; красота, благовоніе и прохлодная теплота этого удивительнаго сада, возникшаго вдругъ среди снѣга и льда, казалась волшебствомъ и располагала душу къ какой то мечтательности; въ уединенныхъ алеяхъ мы пили кофе, чай и другіе прохладительные напитки, воротившись въ средину залы мы были поражены музыкою; начались танцы, алеи наполнились красивыми юношами и прелестными женщинами. Во время всего праздника вмѣсто пастушковъ и Нимфъ Аркадскихъ, я воображала себѣ сцены изъ *Подземнаго царства и Мечты лѣтней ночи* Шекспира, да представятся и вамъ эти поэтическіе образы, какъ представлялись мнѣ. Но вдохновеніе вашъ талантъ, я не могу такъ мечтать, или писать какъ вы. — Мы купили себѣ въ окрест-

ностяхъ небольшой домикъ, который доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе. Мы здѣсь свободны, не стѣснены придворными этикетами, докуками, которыхъ невозможно избѣжать въ столицѣ. Съ нами живетъ одно Англійское семейство, съ которымъ Р . . . познакомился весьма коротко. Я сказала, что Г. Р., потому что семейство состоитъ изъ двухъ братьевъ, которые такъ любезны и умны, что знакомство съ ними было бы драгоцѣнно и въ Англіи; они часто бываютъ у насъ. Домъ нашъ деревянный и состоитъ только изъ одной залы съ двумя гостиными съ одной стороны, кухни и буфета съ другой; кромѣ того есть четыре спальни и кабинетъ. Онъ стоитъ на небольшомъ холмѣ, передъ нами спускъ на прелестной лугъ, прилегающій къ морю, а сзади березовый и сосновый лѣсъ на нѣсколько миль; здѣсь нѣтъ изящныхъ произведеній искуствъ и наукъ, потому что по невѣжеству здѣшней стороны это было бы смѣшно. Все посельски, все просто; посуда глиняная, постели изъ бѣлаго полотна, стулья изъ тростника, все остальное въ соотвѣтственности. Только въ одной гостиной книги, географическая карта и въ другой мое шитье не много отличаютъ насъ отъ деревенскихъ жителей. Здѣсь проводимъ мы три дни въ недѣлѣ весьма пріятно: Р . . . читаетъ передъ мною, я работаю, вокругъ насъ пасутся наши коровы, овцы и дворовыя птицы, которыя такъ ручны, что подходятъ къ нашимъ окнамъ. Еслибъ это уединенное жилище было близъ васъ, я имѣла бы друга изъ нашего пола, какъ онъ имѣетъ двухъ друзей изъ своего.

О какъ бы я была счастлива! но пока не сбудется эта мечта, мнѣ остается она залогомъ и вѣрной дружбы и нѣжной любви и пока небу угодно будетъ сохранить мнѣ моего друга и любовника, я буду счастлива при всѣхъ перемѣнахъ и проч.

ПИСЬМО XIX.

С. Петербургъ, 1734.

Милая моя,

Кажется, вы очень радуетесь услышавъ, что я не надѣла ранца и не отправилась въ походъ; вы даже воображаете, что это и меня привело въ какой то восторгъ и потому съ увѣренностію требуете, чтобъ я описала вамъ праздники по случаю взятія Данцига, не смотря на то, что они прошли весьма давно; въ самомъ дѣлѣ теперь уже на дворѣ очень холодно, тогда было еще жарко; потому торжество происходило въ лѣтнемъ саду. Дамы одѣты были въ накрахмаленныя бѣлыя газовыя платья, вышитыя цвѣтами, но чехлы были возможныхъ цвѣтовъ, кому какой нравился; я съ удовольствіемъ воспоминаю описаніе одной дѣвицы, сдѣланное мнѣ молодымъ человѣкомъ; не зная назвать ее по имени, онъ сказалъ мнѣ: «celle-là avec le cotillon rouge.» Волосы были у всѣхъ естественные, только не много подстрижены и завиты въ большіе локоны и букеты цвѣтовъ. Императрица и Императорская фамилія кушала въ гротѣ противу

длинной алеи, оканчивающейся фонтаномъ и заключенной съ обѣихъ сторонъ изгородою изъ высокаго Голландскаго вяза; во всю длину алеи, отъ самаго грота, тянулись столы; надъ ними возвышалася палатка изъ зеленой шелковой матеріи, которая опиралась на пилястры, обвитые и увѣшанные цвѣтами. Между пилястрами въ нишахъ загороды по обѣимъ сторонамъ столовъ помѣщался буфетъ, съ одной стороны тарелки, съ другой фарфоръ. Кто нибудь изъ Кавалеровъ получалъ билеты, потомъ мужчины садилися съ дамами за столъ безъ порядка такъ, что кавалеры и дамы сидѣли по обѣимъ сторонамъ. За столомъ было до 300 человѣкъ, 600 тарелокъ нужно было для одной перемѣны, перемѣнъ было двѣ и десертъ. Послѣ обѣда общество раздѣлилось; всѣ разошлись гулять по саду; и собрались уже тогда, какъ подъ вечеръ стало холодно и садъ запылалъ огнями иллюминаціи; балъ открытъ былъ въ той же палаткѣ, въ которой обѣдали. Иллюминованныя пилястры представляли прекрасную картину. Музыканты стояли позади изгороды; можно было подумать, что богиня этой рощи принимала участіе въ нашемъ веселіи. Когда начался балъ, ввели Французскихъ Офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Признаюсь, это мнѣ показалось такъ жестокимъ, что я подошла къ нимъ какъ можно ближе чтобъ посмотрѣть, какъ поступятъ Французы въ такую критическую минуту. Начальникъ ихъ Графъ Де-Ла-Моттъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, показывалъ важность и мужественность во всѣхъ пріемахъ. Онъ

такъ смотрѣлъ, какъ будто бы душа его чувствовала всѣ несчастія и презирала ихъ. Когда они подошли къ рукѣ Ея Величества, то она, обратясь къ предводителю, сказала: «Вы конечно весьма удивляетесь, что васъ представляютъ мнѣ въ такое время; это вознагражденіе за худой пріемъ сдѣланный вашими соотечественниками моимъ подданнымъ взятымъ вами въ плѣнъ: Я могла бы теперь жесточѣе отмстить, но кромѣ этой непріятности вы не подвергнетесь ничему; я знаю что Французы самый любезный народъ общества, и потому надѣюсь, что мои дамы заставятъ васъ забыть эту непріятность.»

Ея Величество послѣ того подозвала нѣсколько дамъ, знавшихъ по Французски, и просила ихъ занять плѣнниковъ, чтобы они по крайней мѣрѣ на этотъ вечеръ забыли о своемъ плѣнѣ. Такъ какъ Государыня была всегда въ залѣ, то имъ отданы были шпаги на честное слово. Какъ я по своему любопытству была ближе всѣхъ къ Императрицѣ, когда Она рекомендовала Офицеровъ, то ко мнѣ именно Она и обращалась; отъ того мнѣ досталось занимать самаго Начальника. Онъ, какъ представитель Французской вѣжливости поклонился Государынѣ и сказалъ: «Ваше Величество побѣдили насъ вдвойнѣ. Мы надѣемся, что Минихъ отдаетъ намъ справедливость, что мы сдались ему въ плѣнъ послѣ того, какъ тщетно истощили всю храбрость, но теперь мы съ восторгомъ предаемъ наши сердца во власть столь прелестнымъ побѣдительницамъ. Такъ какъ я весьма утомилась, то мнѣ было весь-

ма утомилась, то мнѣ было весьма пріятно, что мой кавалеръ, по преклонности лѣтъ, отказался отъ танцевъ; мы провели весь вечеръ въ разговорахъ, въ которыхъ онъ показалъ умъ, свѣтскость и остроуміе; но въ его рѣчахъ много надутотсти и реторическихъ фразъ, такъ любимыхъ въ его отечествѣ, особенно въ разговорахъ съ дамами: онъ показывалъ величайшее удивленіе, видя пышность Петербургскаго двора и ласковость въ обхожденіи. Съ Французами въ самомъ дѣлѣ здѣсь обходятся весьма вѣжливо, имъ даютъ дрожки выѣзжать за городъ и осматривать все замѣчательное для иностранца. Мы раскланялись. Онъ обѣщался у насъ обѣдать съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей. Всѣхъ ихъ было 12. Онъ привелъ къ намъ четырехъ. Но вы, кажется, хотите чтобъ я оставила въ покоѣ Французовъ и распрощалась съ вами по Англійски.

ПИСЬМО XX.

С. Петербургъ 1730.

Милая моя,

— Вами обладаетъ любопытство въ такой степени, что вы меня съ этой страстію, лишаете пріятнѣйшихъ удовольствій. Не жестоко ли съ вашей стороны, запретить мнѣ дѣлать вамъ вопросы въ свою очередь? мнѣ кажется, что если бы вы услышали, что я имѣла аудіенцію у Турецкаго Султана, то вы потребовали бы, чтобъ я разсказала вамъ, что тамъ происходило. Вы слышали, что я посѣщаю великую Княжну Елисавету, и что она также удостоиваетъ меня посѣщеніемъ, и вы уже спрашиваете: »одарена ли она умомъ, великою душею? какъ бы она стала царствовать, если бы была на престолѣ? вы полагаете, что легко отвѣчать на такіе вопросы; у меня нѣтъ вашей проницательности. Она такъ милостива, что принимаетъ меня часто и иногда сама посылаетъ за мною, и признаюсь чистосердечно, я питаю къ ней почтеніе и любовь, отъ чего посѣщенія Великой Княжны доставляютъ мнѣ

величайшее удовольствіе, а не занятіе церемоніями. Ея ласковость и кротость заставляютъ нечувствительно ее любить и уважать. Въ бесѣдѣ она жива, непринужденна, и весела, такъ, что можно подумать, что какое-то легкомысліе составляетъ ея главный характеръ. Но въ частномъ кругу ея сужденія чрезвычайно вѣрны и основательны и я увѣрена, что веселое расположеніе ея въ обществѣ происходитъ не отъ сердца. Кажется, что она весьма довольна своею судьбою; я говорю, кажется потому, что кто можетъ проникнуть въ сердце человѣческое; однимъ словомъ, это любезное существо, достойно возсѣдать на престолѣ, хотя онъ теперь занимается также достойною женщиною; можно по крайней мѣрѣ желать, чтобъ она была наслѣдницею. Принцесса Анна, почитаемая теперь всѣми наслѣдницею, находится еще въ такомъ возрастѣ, изъ котораго можно сдѣлать все, особенно хорошимъ воспитаніемъ. Но она не отличается ни красотою ни тонкостію въ обращеніи и ея умъ, впрочемъ еще не развитый, не обнаруживаетъ никакихъ блестящихъ качествъ; она всегда старается держать себя съ важностію, говоритъ мало и никогда не смѣется, что совсѣмъ несвойственно молодой Княгинѣ; я даже думаю, что важность ея происходитъ больше отъ слабоумія, нежели отъ обдуманности. Впрочемъ это должно остаться между нами; я хотѣла только удовлетворить вашему любопытству и не смѣю даже это письмо ввѣрить почтѣ. Недавно я познакомилась съ одною Шведкою, которая взята въ плѣнъ Татарами и проживъ

у нихъ 18 лѣтъ, возвратилась наконецъ въ Петербургъ. Вотъ ея исторія, какъ я слышала ее отъ самой плѣнницы: Она была жена Шведскаго Капитана; попавшись въ плѣнъ къ Русскимъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, послана была съ нимъ и другими соотечественниками въ Сибирь. На дорогѣ ихъ окружила толпа Калмыцкихъ Татаръ; Шведы страшась подвергнуться второму плѣну, соединились съ своимъ конвоемъ для отраженія набѣга. Въ сшибкѣ палъ ея мужъ; оставшееся у нихъ имѣніе разграблено. Она и еще одна Русская, умѣвшая говорить по Калмыцки, достались двумъ Татарамъ, которые и отправились съ ними въ свои жилища. Одному изъ нихъ особенно понравилась моя раскасчица и онъ сдѣлалъ Русскую толковницею своихъ чувствъ. Но когда на предложеніе сдѣланъ былъ отказъ, варваръ угрожалъ употребить силу. Она въ отчаяніи рѣшилась пронзить себя стрѣлою въ грудь — и непремѣнно сдѣлала жъ это, еслибъ ея подруга не взяла нужныхъ предосторожностей. Чрезъ нѣсколько дней онѣ пріѣхали къ палаткѣ Хана или Царя Калмыцкаго, который весьма много смѣялся приключенію съ несчастнымъ любовникомъ и его плѣнницею. Ханъ призвавъ къ себѣ ее и Русскую переводчицу, спросилъ, почему она отвергаетъ любовь этого человѣка, и по видимому удивлялся ея разборчивому вкусу въ выборѣ нѣжнаго друга; но наконецъ сказалъ, что обычаи ихъ страны запрещаютъ принуждать кого либо къ вступленію въ бракъ и такъ моя героиня отдана одной изъ его женъ (у него было ихъ двѣ). Новая Гос-

пожа спросила ее: умѣетъ ли она что нибудь дѣлать? она показала кошелекъ своей работы, который чрезвычайно понравился Татаркѣ. Она взяла ее къ себѣ въ домъ и съ тѣхъ поръ любила ее съ нѣжностію, препоручивъ ей завѣдываніе столомъ и весьма радовалась, что она варитъ кушанье; потому что они прежде ѣли все сырое. Счастіе привело въ тоже самое мѣсто одного ея соотечественника. Онъ училъ Татаръ многимъ полезнымъ искуствамъ, и наконецъ лилъ для нихъ пушки, которыя во время войны съ Китайцами оказали имъ величайшую услугу. — Благодарные Татары даровали ему свободу и по его ходатайству, и моей теперешней знакомкѣ. Они соединились узами брака и готовятся теперь къ отъѣзду въ Швецію. Вы любите новости, что вы сказали бы, еслибъ кто изъ дамъ сдѣлалъ визитъ этому Хану, который кажется очень милый человѣкъ? Я предлагаю вамъ объ этомъ подумать; между тѣмъ остаюсь и проч.

ПИСЬМО XXI.

С. Петербургъ 1735.

Милая моя,

Посылаю вамъ книгу, въ которой вы найдете описаніе разныхъ Татарскихъ племенъ; она можетъ лучше удовлетворить вашему любопытству въ этомъ отношеніи; я напротивъ объ нихъ ничего не знаю и даже не читала этой книги. Я говорила вамъ однажды объ одномъ Татарскомъ Князѣ, который пріѣхалъ сюда съ своимъ семействомъ искать покровительства Государыни. Онъ обратился въ Христіанскую вѣру и крещенъ въ присутствіи Двора. Я уже описывала вамъ, какъ совершается крещеніе; теперь опишу обрядъ погребенія; онъ совершался надъ младшею дочерью Князя Меншикова, которая вызвана изъ ссылки вмѣстѣ съ своимъ братомъ нынѣшнею Государынею и была въ замужествѣ за Графомъ Густафомъ Бирономъ, младшимъ братомъ Герцога Курляндскаго. Она померла отъ родовъ и погребена съ величайшею пышностію. Собраніе, посидѣвъ нѣсколько времени вошло въ залу, гдѣ лежало тѣло умершей. Гробъ былъ открытъ; Кня-

гиня была одѣта только въ спальное платье, въ которомъ она скончалась, (говорятъ, что она желала, чтобъ ее положили въ полномъ одѣяніи); это платье было сдѣлано изъ бѣлой матеріи, вытканной серебромъ, голова украшена была прекрасными кружевами и короною потому, что покойная была Княгиня Римской Имперіи; на челѣ лежала лента, на которой золотыми буквами означено было ея имя и возрастъ, на лѣвой рукѣ лежалъ младенецъ, умершій спустя нѣсколько минутъ послѣ своего рожденія, одѣтый въ серебряную ткань, въ правой рукѣ разрѣшительная грамота. Когда всѣ заняли свои мѣста, то взошли слуги проститься съ Госпожею, младшіе впереди. Они цѣловали ея руку и дитя, прося прощенія въ проступкахъ и сопровождая слезы ужаснымн криками. За тѣмъ подходили знакомые, которые цѣловали умершую въ лице и также плакали на взрыдъ. Потомъ подходили родственники, самые близкіе; послѣ когда прощался братъ ея, то я думала, что онъ совсѣмъ опрокинетъ гробъ. Но трогательнѣе была сцена при прощаніи супруга. Онъ сначала отказался присутствовать при этой ужасной церемоніи, но Герцогъ приказалъ ему покориться обыкновенію Русскихъ, представляя что онъ какъ явный чужеземецъ лишится общаго уваженія. Его вывели изъ комнаты два чиновника; которые впрочемъ его болѣе поддерживали нежели сопровождали. На лицѣ его изображалась скорбь, скорбь безмолвная. Взошедъ въ траурную залу онъ остановился и потребовалъ нить. Подкрѣпившись питьемъ подошелъ къ гробу, но здѣсь

упалъ въ обморокъ. Когда онъ былъ вынесенъ и приведенъ въ чувство, то подняли тѣло и поставили въ открытой каретѣ. За гробомъ тянулся длинный рядъ каретъ и такъ какъ покойница была жена Генерала, то гробъ провожала гвардія. Поѣздъ отправился въ Невскій монастырь, когда ѣхали по улицамъ, на гробѣ лежалъ парчевый покровъ, который впрочемъ снятъ былъ при входѣ въ церковь. Въ церкви церемонія прощанія повторена была еще разъ; но мужъ едва приведенный въ чувство послѣ другаго обморока, увезенъ бѣдный былъ домой еще прежде. Послѣ погребенія всѣ возвратились въ домъ Бирона на большой обѣдъ, на которомъ уже больше веселились нежели скорбѣли, казалось всѣ забыли печальное событіе? Воображаю, что вы коварно улыбаетесь, что я ничего не говорю о несчастномъ супругѣ. Онъ мнѣ кажется, въ самомъ дѣлѣ сраженъ скорбію. Онъ любилъ ее во все время супружества — это видно было изъ его обращенія съ нею. — Если вы задумаетесь надъ моимъ письмомъ и въ такомъ положеніи застанутъ васъ, то конечно мнѣ не уйти отъ вины, что я навожу на васъ грусть. Впрочемъ надѣюсь, вы не объявите истинной причины, вы умѣете такъ долго держать его въ покорности къ себѣ, не раскрывая движеній своего сердца. Въ самомъ дѣлѣ я прошу васъ не показывать никому этого письма, то, что оно писано къ другу, не можетъ служить мнѣ извиненіемъ. Мои замѣчанія смѣшны и ихъ никто не долженъ видѣть, если для васъ дорого, чтобъ я была вашею и проч.

ПИСЬМО XXII.

С. Петербургъ 1735.

Милая моя,

Вы составили въ своемъ умѣ совершенно ложное понятіе о Графѣ Минихѣ. Вы говорите, «я думаю, что это старикъ съ суровымъ взглядомъ солдата, проведшаго вѣкъ въ лагерѣ» напротивъ, ему теперь около 54 или 55 лѣтъ,» онъ человѣкъ весьма красивой наружности, съ прекраснымъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ; его движенія благородны и пріятны. Онъ очень хорошо танцуетъ; и по своимъ пріемамъ кажется больше молодымъ человѣкомъ нежели старикомъ. Онъ считается при дворѣ однимъ изъ самыхъ услужливыхъ кавалеровъ и болѣе всѣхъ внимателенъ къ дамамъ. Находясь въ кругу нашего пола, онъ вдругъ притворяется веселымъ и нѣжнымъ, что безъ сомнѣнія не можетъ никому нравиться, это чистое притворство; потому что не смотря на всѣ его старанія принимать такую наружность, въ немъ остается все еще неповоротливость Нѣмецкая; и видѣть, какъ этотъ че-

ловѣкъ, стоящій на столь высокой степени гражданской въ обществѣ, употребляетъ все усиліе, чтобъ сдѣлаться петиметромъ, есть тоже, что видѣть монашескій капишонъ на какомъ нибудь уличномъ гулякѣ. Надобно сходить въ походъ съ этимъ полководцемъ, обращающимъ въ бѣгство тысячи и десятки тысячь непріятелей, чтобъ видѣть всю странность, когда этотъ же самый человѣкъ, послушный звукамъ голоса какой нибудь дамы, подходитъ къ ней съ умирающимъ взоромъ, вдругъ схватываетъ у ней руку и въ восторгѣ осыпаетъ поцѣлуями! но каково должно быть ваше удивленіе, когда вы узнаете, что такіе пріемы онъ почитаетъ необходимыми въ обращеніи со всякою женщиною? — Что касается до другихъ чертъ его характера, то его можно назвать предпріимчивымъ воиномъ, онъ быстръ, и такъ какъ успѣхъ его часто зависѣлъ отъ рѣшимости, то рѣшимость сдѣлалась теперь въ его характерѣ господствующею чертою: онъ никогда не размышляетъ, сколько людей онъ приноситъ въ жертву своему честолюбію *). Впрочемъ въ мірѣ

*) Подобнымъ образомъ относится объ Минихѣ Графъ Алгаротти. Минихъ, говоритъ онъ, купается въ крови, солдаты его больше боятся нежели любятъ; онъ слишкомъ предпріимчивъ, не уважая предосторожностей предписываемыхъ благоразумнымъ сомнѣніемъ.» Благодарю Бога, вскричалъ онъ, увидѣвъ Французовъ пристающихъ къ Данцигу: Россія нуждается въ рукахъ для извлеченія рудъ: Впрочемъ какъ бы то ни было, эти слова дѣлаютъ честь Генералу и могутъ впушить довѣренность въ войскѣ. — Letter IV to Lord Hervey.

часто бываетъ больше шуму нежели существенности. Я думаю, что хитрость вездѣ есть его любимый пріемъ: прямодушіе напротивъ есть качество вовсе ему неизвѣстное, и еслибъ моя подруга спросила меня, какихъ я мыслей объ Графѣ Минихѣ, я отвѣчала бы стихомъ Отвая:

Trust not to him, he is by nature false,
Designing, cruel, subtle and inconstant.
(Не довѣряй ему, онъ по природѣ лживъ,
Скрытенъ, жестокъ и непостояненъ).

Я думаю, онъ таковъ и въ любви и въ дружбѣ и могу увѣрить всякаго, что кто ни ввѣрится ему, тотъ узнаетъ, что я говорю правду. Теперь онъ въ силѣ и первый при дворѣ послѣ Герцога Курляндскаго и кажется, любимецъ Императрицы, но не соперникъ Бирона. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій теперь въ отсутствіи; онъ по интригамъ Миниха, въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ начальствуетъ надъ войскомъ въ отдаленной отъ столицы провинціи, впрочемъ онъ нигдѣ не совершилъ еще никакихъ подвиговъ, чтобъ заставить всѣхъ говорить объ себѣ. Минихъ и Принцъ совершенно различны характерами, посему не удивительно, что они не могутъ сойтись одинъ съ другимъ. Принцъ по виду и поступкамъ совершенный солдатъ, только благовоспитанный, ласковый и откровенный. Рѣдко обѣдаетъ или ужинаетъ безъ гостей, гдѣ бы онъ ни былъ; общество его состоитъ частію изъ людей должностныхъ, частію изъ друзей; съ женщинами онъ вѣжливъ безъ притворства. При дворѣ онъ обязанъ по своему важному мѣсту танцовать и

онъ танцуетъ съ видомъ добродушнаго солдата, и часто шутитъ самъ надъ недостаткомъ въ себѣ ловкости и пріятности. Онъ обожаемъ солдатами, любимъ и уважаемъ каждымъ человѣкомъ. Его лице выражаетъ какую-то серьезность, но при всемъ томъ видно, что онъ добродушенъ; — но вы требованіями своими наводите на меня страхъ — я боюсь писать вамъ о такихъ вещахъ. Вы требуете отъ меня еще описанія страны, характера народа; это тоже что отъ Государственнаго министра требовать совѣта какъ кроить платье. Впрочемъ, хотя я описываю вамъ предметы такъ, какъ они представляются моему слабому разсудку, но не удивляйтесь, если мои сужденія будутъ и ложны. Если вы по своей снисходительности найдете что нибудь занимательное въ моей болтовнѣ, то это будетъ предѣлъ моихъ желаній и пр.

ПИСЬМО XXIII.

Милая моя,

Я сердита на васъ за то, что вы сказали Госпожѣ С. о нашей перепискѣ; въ слѣдствіе этого дано приказаніе отъ Г*, изслѣдовать ссору между двумя дамами; впрочемъ я не думаю, чтобъ изъ этого вышли важныя слѣдствія; можетъ быть только на счетъ ихъ посмѣются при дворѣ. Чтобъ ввести васъ въ эту исторію, я считаю необходимымъ дать вамъ понятіе объ этихъ дамахъ и объ ихъ происхожденіи. Достоинствомъ онѣ обѣ равны, обѣ жены чужестранныхъ Министровъ, живущихъ при Русскомъ дворѣ. Одна изъ нихъ дочь Французскаго Генерала, который перешелъ въ службу въ другое Государство; въ это время родилась Героиня моего разсказа. Одинъ знатный вельможа прежде всѣхъ пріобрѣлъ ея любовь, спустя нѣсколько времени женился на ней и занялъ теперешній постъ. Другая дама дочь Гамбургскаго ремесленника и вышла за Графа, который имѣлъ нужду въ деньгахъ, какъ она въ титулѣ Сіятельства. Она прибыла ко двору безъ совершеннаго знанія придворныхъ усло-

вій; другая дама, выросшая при дворѣ, сдѣлалась ея руководительницею и наставницею. Но дружество двухъ красавицъ рѣдко бываетъ продолжительно; такъ случилось и на этотъ разъ: каждая воображала, что она имѣетъ право на сердца всѣхъ мужчинъ, каждая хотѣла видѣть вокругъ себя сколько можно больше обожателей и старалась отвлечь ихъ отъ соперницы. Въ той и другой естественно зародилась зависть, которая обнаружилась сперва холодностію, потомъ остроумными насмѣшками. Наконецъ въ одномъ большомъ обществѣ, гдѣ каждая изъ нихъ старалась привлечь къ себѣ одного молодаго человѣка, во время общаго разговора, произошло столь сильное столкновеніе, что Графиня не могла удержаться чтобъ не наговорить колкостей своей соперницѣ; ея соперница напротивъ отвѣчала на это хладнокровіемъ и презрѣніемъ. Графиня вышла изъ себя, — «въ какомъ странномъ мірѣ мы живемъ!» сказала она; «да это правда,» отвѣчала другая, свѣтъ странень и особенно съ тѣхъ поръ, какъ дрейеры вообразили, что они червонцы.» При этихъ словахъ Графиня заплакала и вышла изъ за стола. Я думаю Вы также нетерпѣливо хотите узнать смыслъ этой колкости, какъ въ то время хотѣлось знать мнѣ. Я должна вамъ сказать, что прежнее имя Графини было Дрейеръ; дрейеромъ въ Гамбургѣ называется также монета цѣною въ полфертинга. Съ этой минуты между соперницами началась открытая война, которая простерлась такъ далеко, что приверженцы той и другой являлись ко двору, и въ другія мѣста въ любимыхъ

цвѣтахъ ихъ повелительницъ, ихъ назвали полкомъ сѣрымъ и краснымъ. Сами предводительницы нападали вездѣ одна на другую и подавали поводъ къ безпрестаннымъ надъ собою насмѣшкамъ. Бѣдная Графиня была вездѣ побѣждаема и не могла поддерживать борьбы. Она теперь рѣшилась ея не возобновлять, потому что совсѣмъ не можетъ владѣть собою, напротивъ ея соперница всегда показываетъ спокойствіе, и наговоривъ колкостей, сохраняетъ приличіе и благородное обращеніе. Графиня одарена отъ природы истиннымъ остроуміемъ; во время борьбы она обнаружила много блестящихъ качествъ, худыхъ и хорошихъ; оставивъ эту ссору она нашла больше обожателей и если уже должно сдѣлать признаніе предъ вашею строгою добродѣтелію, то я скажу, что я ее люблю. Надѣюсь, что вы будете ко мнѣ снисходительны и не будете меня порицать за то, что я, не обращая вниманія на ея поведеніе, взошла съ нею въ короткія связи. — Я разсказала вамъ подробно объ этомъ глупомъ произшествіи, хотя повторять оное съ моей стороны было бы весьма непростительно, но вы хотѣли этого, а обязанность болтать съ вами объ такомъ соблазнѣ не сдѣлала меня столь глупою, чтобъ я прибавила что нибудь лишнее. Я люблю такъ истину, какъ вы увѣрены, что *я* есмь и проч.

ПИСЬМО XXIV.

С. Петербургъ, 1735.

Я страшилась распечатать ваше письмо, сознавая въ совѣсти, что преступила ваше приказаніе, не отвѣчать вамъ на то, о чемъ вы пишете изъ Англіи, но только описывать то, что найду замѣчательнаго въ Россіи. Вы писали мнѣ, что я получаю отъ васъ извѣстія о всѣхъ моихъ друзьяхъ, живущихъ въ Англіи, и потому мнѣ нѣтъ нужды предлагать вамъ вопросы. Но я васъ поймала, вы виноваты противъ меня и вотъ какъ: вы ничего не написали мнѣ объ юношеской вѣтренности дѣвицы N. Ежели она пишетъ мнѣ правду, то она пьетъ горькую чашу. Правда она худо сдѣлала, что вышла за такого человѣка, но дѣло уже сдѣлано, теперь должно не порицать ее за ошибку, но подумать, нельзя ли какъ помочь. Она убѣждена, что вы могли бы помочь ей, еслибы знали объ ея отношеніяхъ. Я посылаю къ вамъ ея собственный разсказъ о своей участи, ибо я сдѣлала бы несправедливость разсказавъ вамъ эту исторію своими словами. Я писала

ей, что сдѣлаю такъ, и думаю что она посѣтитъ васъ. Но я боюсь, ея сужденія не такъ основательны, какъ сильны ея выраженія, и потому я прошу васъ оказать ей снисхожденіе. Вы скажете, что «благоразуміе должно управлять всѣми нашими поступками;» вы думаете, что всякій человѣкъ можетъ отличаться такими высокими качествами какъ вы? нѣтъ, такихъ людей немного и если вы въ этомъ случаѣ не откажетесь отъ вашей обыкновенной суровости, то я не знаю, чѣмъ вы лучше ея тетки, которая, какъ я воображаю, сердится на то, что племянница осмѣливается ее оскорблять и не обращаетъ вниманія на худыя отъ того слѣдствія. Это дитя ввѣрено было ея попеченію и должно было ей повиноваться; но малѣйшее подозрѣніе, что оно хочетъ независимости, стало навлекать ея гнѣвъ; но когда эта страсть воспламеняется, тогда всякое оправданіе лишь умножаетъ пламень. Еслибъ тетка была способна содѣйствовать счастію племянницы, то онѣ наслаждались бы имъ, но вы знаете, и я никогда не думала, чтобъ она имѣла сколько нибудь нѣжности. Дай Богъ чтобъ я обманывалась! Я жалѣю объ этой бѣдной малюткѣ, которая съ младенчества была воспитана въ совершенной свободѣ; малѣйшее противорѣчіе раздражало ее; и этотъ быстрый переходъ отъ свободы къ суровому обращенію тетки, въ такія лѣта, когда она еще не могла судить дальше настоящаго, дѣйствительно могъ привести къ такой развязкѣ, какая послѣдовала Но мнѣ не нужно было разсуждать объ этомъ, я знаю, что вы сами будете судить объ этомъ пра-

вильно и снисходительно. Что касается до любопытнаго Г. М. . , который желаетъ знать, «бываю ли я въ Русскихъ баняхъ,» то онъ не стоитъ отвѣта и заслуживаетъ презрѣніе, какъ человѣкъ воображающій, что онъ говоритъ остро, тогда какъ говоритъ нелѣпость.

Я сержусь на васъ за то, что вы рекомендуя мнѣ вашего друга, пишете огромную апологію. Г. Р. увѣряетъ васъ чрезъ меня, что онъ употребитъ всѣ зависящія отъ него средства, доставить ему мѣсто и чинъ. Простуда воспрепятствовала ему вчера быть при дворѣ и потому я сама отправилась съ моимъ юнымъ Героемъ къ Фельдмаршалу, къ коему сперва представляются всѣ вступающіе въ военную службу. Онъ принялъ его ласково и представилъ Ея Величеству. Государыня сказала, что « онъ прекрасный молодой человѣкъ и долженъ быть опредѣленъ въ службу. Ему нуженъ наставникъ, прибавила она, если хочетъ имѣть успѣхъ. » Я сказала Фельдмаршалу, что « кандидатъ одаренъ живымъ умомъ и не безъ честолюбія» Онъ усмѣхнулся и сказалъ: « это видно » Мнѣ остается желать, чтобы въ немъ съ лѣтами какъ развивался умъ, такъ и возрасталъ военный жаръ. Г. Р. и я не мало смѣялись, какъ эту куколку величали «моимъ героемъ; » куда его опредѣлятъ, теперь еще нельзя сказать. Я думаю впрочемъ, что вы уже совсѣмъ потерялись въ моей болтовнѣ.

ПИСЬМО XXV.

С. Петербургъ 1735.

Милая моя,

Съ величайшимъ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что нашъ маленькій Герой теперь уже Офицеромъ, хотя не высокаго ранга, но надѣюсь, онъ скоро будетъ повышенъ. Такъ какъ въ первый разъ его представляла ко двору я, то онъ названъ былъ дамскимъ Фельдмаршаломъ; кромѣ того Г. Р. сказалъ Ея Величеству, что новый Офицеръ находится подъ покровительствомъ его жены, которой рекомендовали Англійскія дамы, не осмѣливавшійся отнестися къ нему.» Государыня отвѣчала, что онѣ хорошо сдѣлали, избравъ меня просительницею, но что это еще не можетъ быть ручательствомъ за способности кандидата или его ревность къ службѣ; впрочемъ продолжала она, не смотря на его юный возрастъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что не многіе годы могутъ сдѣлать великую перемѣну въ судьбѣ молодаго воина и что я сама предчувствую, что онъ будетъ Фельдмаршаломъ.» Этотъ отвѣтъ такъ возгордилъ молодаго воина, что онъ объ немъ только и думаетъ. Когда онъ въ мундирѣ подошелъ къ

рукѣ Ея Величества, то Государыня спросила, «сколько ему лѣтъ» онъ чрезвычайно смѣшался и его переводчикъ едва не засмѣялся, когда онъ отвѣчалъ: «чрезъ десять мѣсяцевъ будетъ шестьнадцать лѣтъ.» Государыня улыбнулась и стала говорить со мною по Русски. Ему чрезвычайно хотѣлось узнать, объ чемъ она со мною говорила; но когда я сказала ему, что отъ того потерпитъ его честь, то онъ успокоился, думая, что его почитаютъ человѣкомъ разсудительнымъ.

Я весьма удивилась, когда узнала, что ваши усилія, примирить тетку съ племянницею остались тщетными. Могли ли вы ожидать лучшаго? Вы говорите, что она на словахъ показываетъ къ племянницѣ величайшую любовь, но не хочетъ слышать никакихъ оправданій. Вы хорошо знаете людей и вамъ должно быть извѣстно, что тотъ, кто говоритъ много о своей любви къ другимъ, ея не имѣетъ; потому, что истинная любовь и приверженность не иначе могутъ быть выражены, какъ только тѣмъ, что они могутъ быть сокрыты. Слова здѣсь безполезны, но самое маловажное дѣйствіе открываетъ внутреннее расположеніе. Вы также ожидаете невозможнаго отъ племянницы; можно ли думать, чтобъ эта молодая, пятьнадцатилѣтняя дѣвушка, вышедшая за мужъ за Баронета, могла сознаться, что она поступила вѣтрено? Нѣтъ, я увѣрена, что она никогда не сознается, — ибо ничто не принуждаетъ ее почувствовать, что она поступила неблагоразумно; и этого никогда не будетъ. Вы шутите надо мною и пишите: «надобно быть

очень умною, чтобъ съ мистрисъ N. говорить о супругѣ и дѣтяхъ, это значитъ тоже, что дать ей шить рубашку тогда, какъ цѣлое общество занимается кадрилью;» вы это можете отнести къ себѣ.

Я прошу васъ показать мнѣ, въ чемъ состоитъ острота въ помѣщенныхъ вами стихахъ; я сдѣлалась такъ глупа, — что не знаю что со мною дѣлается, только можетъ быть холодный здѣшній климатъ можетъ меня извинить въ недостаткѣ понятливости. Ваша и пр.

ПИСЬМО XXVI.

С. Петербургъ 1735.

Милая моя,

Вы можете подумать, что я сдѣлалась похожею на Донъ Кихота, — и что при моемъ приближеніи самый обыкновенный случай обращается въ чудесное приключеніе. Думаю, что вы теперь также знакомы съ моими Петербургскими друзьями какъ я сама; но вы удивитесь; когда я скажу вамъ, что старинный вашъ другъ Графъ Д.. явился здѣсь и сдѣлался весьма внимателенъ ко мнѣ. Послѣднее обстоятельство такъ странно, что я испугалась, не вздумалъ ли онъ въ меня влюбиться. Въ самомъ дѣлѣ, если любовь часто превращается въ ненависть, почему же ненависть не можетъ превратиться въ любовь? Но недавно я открыла другую причину его страннаго поведенія и гораздо важнѣйшую, именно страхъ; недавно, когда я была дома одна, онъ явился ко мнѣ и сказалъ: «Надѣюсь, что вы не будете упоминать о смѣшномъ приключеніи съ Г. Ф. и объ матерчатыхъ перчаткахъ, потому, что

это все выдумка.» Я отвѣчала, «что если это не вѣрно, то нѣтъ причины опасаться послѣдствій. Но какъ бы то ни было, вы можете быть увѣрены, что я никогда не думала воспоминать объ этомъ.» Этотъ ничтожный человѣкъ вообразилъ, что я могу злобно разглашать и представлять въ худомъ свѣтѣ всякую бездѣлицу, которая неизвѣстна всѣмъ. Я теперь думаю, что онъ или самъ способенъ къ такимъ низостямъ; или не обдумалъ хорошо, что дѣлалъ, — я удивилась, посмотрѣвши назадъ, сколько строкъ я писала объ этомъ пустомъ человѣкѣ, который не стоитъ и того, чтобъ надъ нимъ смѣяться. Я теперь опишу вамъ примѣръ, какъ можно иногда проговориться; онъ находится въ связи съ предисловіемъ. Во время обѣда у одного изъ нашихъ друзей говорили о странныхъ поступкахъ Прусскаго Короля и объ его высокихъ Гренадерахъ. Этотъ разговоръ не касался до меня и я собственно не знала объ чемъ шла рѣчь, я только и слышала слова: «высокіе солдаты и Потсдамъ» (городъ, въ которомъ они были расположены по квартирамъ). — Когда явился Прусскій Министръ, то этотъ разговоръ былъ прекращенъ. Послѣ того мы пошли смотрѣть на прекрасный коверъ, купленный хозяиномъ. На немъ былъ изображенъ купидонъ исполинскаго росту. Когда всѣ начали дѣлать свои замѣчанія, мнѣ пришло въ голову сказать и я сказала: «Это Потсдамскій Купидонъ,» я удивлялась, не зная чему приписать послѣдовавшій послѣ того сильный смѣхъ, и едва угадала причину, увидѣвъ стоящаго за собою бѣднаго Прусака.

Мы большею частію живемъ въ своемъ загородномъ домикѣ, и одинъ день въ недѣлю не выходимъ никуда. Въ это время мы ѣздимъ по окрестностямъ. На прошедшей недѣлѣ мы осматривали домъ, который застроенъ Петромъ Первымъ и никогда не будетъ оконченъ, это весьма жалко; потому, что планъ его весьма обширенъ; мѣстоположеніе такое же какъ и въ Петергофѣ, который я вамъ уже описывала. Ея Величество хочетъ здѣсь проложить каналъ, для проведенія большихъ судовъ въ городъ, куда они не могутъ входить по причинѣ отмѣлей. Еслибъ это сбылось, то этотъ дворецъ былъ бы прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ; потому, что каналъ проведенъ будетъ чрезъ весьма обширные сады; изъ оконъ дворца мы увидѣли бы военные корабли перваго ранга, плывущіе на парусахъ мимо деревьевъ. Вы скажете, «это прекрасный прожектъ, но какъ привесть его въ исполненіе?» Почему же нѣтъ? въ мирное время на эту работу могутъ быть употребляемы войска и когда начнется работа, то можно на нее употреблять вдругъ до 30,000 человѣкъ и это весьма легко, — впрочемъ я не намѣрена дожидаться окончанія этого канала, но хочу доставить себѣ удовольствіе, увѣрить лично, что я есмь и пр.

ПИСЬМО XXVII.

С. Петербургъ 1735.

Милая моя,

Вы весьма любопытны и такъ любите странности, что мнѣ никогда бы не простили, еслибъ я не описала вамъ новой забавы, занимавшей Дворъ нынѣшнею зимою. Это ледяная гора, построенная съ верхняго дворцоваго этажа на Дворъ. Она довольно широка, такъ что по ней можетъ спуститься коляска, и имѣетъ по обѣимъ сторонамъ небольшіе борды. Ея устройство слѣдующее: Сначала сколочены были доски, которыя поливали, водою пока наконецъ вся отлогость не покрылась льдомъ значительной толщины. Придворныя дамы и Кавалеры садятся въ санки, спускаются съ верху горы и несутся внизъ съ быстротою птицы. Иногда санки случайно сталкиваются одни съ другими, тогда катающіеся опрокидываются и это всѣмъ, какъ можете предетавить, доставляетъ смѣхъ. Всякій кто имѣетъ входъ ко двору, долженъ кататься — такъ они называютъ забаву и къ счастію никто еще не

сломилъ себѣ шеи. Я была объята ужасомъ, когда мнѣ должно было итти на это опасное увеселеніе, потому, что боялась не только сломить себѣ шею, но и подвергнуться сраму, о которомъ нельзя подумать безъ содроганія, — пришедъ къ горѣ я стояла нѣсколько времени въ надеждѣ, что кто нибудь сломитъ себѣ руку и тѣмъ остановитъ забаву, но наконецъ дошла очередь и до меня. Кто-то сказалъ: «Вы еще ни однажды не скатились,» вдругъ всѣ мои знакомые явились ко мнѣ съ своими услугами. Я едва не умерла, услышавъ такое предложеніе, но Ея Величество сказала, что теперь она не можетъ и такимъ образомъ меня обошли. Еслибъ вы вздумали прибыть сюда во время этой забавы, то и вы должны бы были представить подобное извиненіе или катиться.

Теперь объ семейныхъ дѣлахъ можно подумать что вы мало наблюдали надъ людьми и не изучали ихъ страсти (Вы это дѣлали); иначе непонятно, какимъ образомъ вы не могли склонить этихъ двухъ женщинъ къ какой нибудь уступкѣ. Впрочемъ я уже сказала вамъ, что это было не возможно, потому что это причинитъ вамъ столько безпокойства, то я не стала бы васъ просить. Въ самомъ дѣлѣ, ваша гордость пострадала очень много, и вы досадуете, что при такой вашей разсудительности Вы не могли примирить ихъ. Того и должно было ожидать. Что причиною неуспѣха? вы предполагали въ нихъ разсудительность, тогда какъ ея въ нихъ было не больше какъ въ болтовнѣ за карточнымъ столикомъ или въ собраніи. Я думаю, (если

ихъ лучше понимаю нежели вы) проложить къ примиренію другую дорогу. Такъ какъ онѣ обѣ жалуются вамъ одна на другую, то соединитесь съ каждою и браните ту, которой у васъ нѣтъ въ домѣ. Я осмѣливаюсь думать, онѣ обѣ будутъ просить васъ о примиреніи. Этотъ планъ можно поручить Г. В., но я думаю, онъ очень откровененъ и презираетъ успѣхъ, пріобрѣтенный хитростію и потому не будетъ слѣдовать совѣту той, которая и пр.

ПИСЬМО XXVIII.

С. Петербургъ 1737.

Милая моя,

Вы умѣли наказать меня жестоко за планъ, который только и думала возложить на Г. В., вы пустились въ описаніе характеровъ этихъ двухъ женщинъ, разобрали мой планъ и больше ничего не писали. Въ свой чередъ я накажу и васъ. Герцогъ и Герцогиня (Графъ и Графиня Бирон, какъ вы знаете) еще пользуются милостію Государыни; отъ ихъ суроваго или ласковаго взгляда зависитъ бѣдствіе или благополучіе всѣхъ жителей Имперіи. Всѣ повышенія зависятъ отъ ихъ благосклонности, его гнѣвъ причиняетъ гибель. Здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ имъ противиться, напротивъ всѣ у нихъ въ рукахъ. Герцогъ весьма гордъ, вспыльчивъ; когда разсержень, говоритъ съ неумѣренною запальчивостію. Если къ кому онъ милостивъ, то весьма щедръ на ласки и похвалу, но онъ непостояненъ, перемѣняется безъ всякой причины, и часто

также преслѣдуетъ, какъ прежде любилъ; поступая такимъ образомъ онъ даже не можетъ скрываться, но обнаруживаетъ свою немилость самымъ убійственнымъ образомъ. Онъ отъ природы осторожепъ, но кого любитъ, съ тѣмъ обходится свободно; откровененъ, но если видитъ, что откровенность неумѣстна или что не стоитъ труда разсказывать правду, то истины никогда не скажетъ. Онъ презираетъ Русскихъ и это показываетъ публично самимъ вельможамъ; я думаю, что это будетъ нѣкогда причиною его паденія, хотя я сердечно увѣрена, что его вѣрность къ Ея Величеству непоколебима и онъ имѣетъ въ виду благо ввѣренной ему страны. Герцогиня высокомѣрна и угрюма, въ ея взглядѣ и пріемахъ видна суровость, и потому не можетъ пріобрѣсть почтенія, которое она силится внушить. Оно отдается ей только наружно; если признаться, то я, которая считаюсь ея любимцею и, какъ думаю, больше всѣхъ пользуюсь ея благосклонностію, я не чувствую въ ней въ сердцѣ своемъ того, что называется почтеніемъ, потому что привѣтствія, должныя ея сану не составляютъ того, о чемъ я пишу, хотя вообще это понимаютъ такъ, и она сама въ этомъ случаѣ обманывается.— Такъ какъ она вдругъ введена въ высшій кругъ общества, то остается до сихъ поръ еще не въ своей сферѣ и думаетъ, что для пріобрѣтенія почтенія должно быть гордою. Еслибъ она была частною женщиною, то она принадлежала бы къ разряду тѣхъ женщинъ, коихъ Докторъ N. называетъ notables, и я предоставляю вамъ спросить его

какъ бы онъ назвалъ такую женщину, изъ самаго высшаго круга. Она не вмѣшивается въ Государственныя дѣла, но показываетъ, что она все время, остающееся отъ личной службы Ея Величеству, употребляетъ на воспитаніе дѣтей и на работу. Она рѣдко бываетъ въ обществахъ, не отличается особеннымъ умомъ, однакожъ и не глупа; любитъ наряды. Вы восклицаете! «Она женщина, что же тутъ удивительнаго?» Можетъ быть это вѣрно, но я предоставляю это рѣшить мужчинамъ. Такимъ образомъ я исполнила ваше желаніе, разсказавъ вамъ о двухъ важныхъ особахъ на сѣверѣ и надѣюсь (къ большему достоинству моего разсказа) — вамъ не нужно объ этомъ знать что нибудь болѣе отъ вашей и пр.

ПИСЬМО XXIX.

С. Петербургъ, 1737.

Вмѣсто того, чтобы освободить меня отъ такихъ задачъ, какія вы мнѣ давали, вы требуете теперь большаго. Я думала, что въ послѣднемъ письмѣ я составила вамъ полное описаніе Герцога и Герцогини, но вы предлагаете и послѣ того множество вопросовъ. Я буду отвѣчать на нихъ по порядку. Герцогъ по прежнему считается при Дворѣ Великимъ Камергеромъ, не смотря на то, что онъ принадлежитъ теперь къ правительствующимъ особамъ. Герцогиня считается первою Статсь-дамою, съ тѣмъ только отличіемъ отъ другихъ придворныхъ дамъ, что она со времени новаго достоинства садится въ присутствіи Государыни, какъ Великія Княгини и въ публичныхъ собраніяхъ цѣлуетъ руку Ея Величества. Они живутъ во дворцѣ, но при себѣ имѣютъ въ услуженіи также чиновниковъ, какіе составляютъ Дворъ Государыни. Только штатъ ихъ состоитъ изъ ихъ собственныхъ подданныхъ, которые ихъ всегда окружаютъ. При Герцогѣ находятся

Камергеры и при Герцогинѣ Фрейлины, во время выѣздовъ имѣютъ свою ливрею и экипажъ, которые отличаются величайшею пышностію. Графъ Остерманъ возведенъ въ достоинство Вице-Канцлера Имперіи и управляетъ всѣми дѣлами, которыми прежде занимался Герцогъ. Его почитаютъ теперь въ Европѣ величайшимъ Министромъ; такъ какъ искренность при этой должности не есть необходимое качество, то онъ въ самомъ дѣлѣ успѣваетъ своимъ предпріятіямъ дать блестящій успѣхъ. Онъ образованъ, красивъ, и когда перестаетъ быть Министромъ, то весьма занимательный собѣсѣдникъ. Онъ родомъ Вестфалецъ и сначала былъ домашнимъ Секретаремъ у Голландскаго Адмирала. Петръ Великій, увидѣвъ бумагу, переведенную имъ на Русской языкъ, призвалъ его къ себѣ. Проницательный умъ сего Монарха открылъ въ немъ быстрое соображеніе, взялъ его къ себѣ и возводилъ постепенно до того поста, которое онъ теперь занимаетъ. По предложенію Петра I. онъ вступилъ въ супружество съ природною Русскою, дѣвицею отличной красоты, знатною по роду и богатству; но самъ Остерманъ остается Лютераниномъ. Онъ не богатъ и даже бѣденъ, смотря по мѣсту имъ занимаемому. Онъ былъ дядькою Петра II. и главнымъ орудіемъ паденія Меншикова; но онъ былъ вытѣсненъ Долгорукимъ, главнымъ любимцемъ юнаго Монарха и многіе думаютъ что одна только смерть Петра II. избавила Графа отъ погибели, потому, что любимецъ страшился его тонкости и опытности, чему доказательство видѣлъ

онъ въ низверженіи Меншикова. Онь весьма вѣжливь съ женщинами, но никогда не нарушалъ покоя нашего пола, отъ того любовныя его похожденія никогда не дѣлали шуму и теперь онъ кажется смотритъ на женщинъ какъ на забаву и на пріятныя игрушки (т. е. въ свободное время, когда онъ можетъ нѣсколько часовъ провесть въ пустыхъ разговорахъ). Здѣсь онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые ищутъ смысла тамъ, гдѣ слышатъ одну только безсмыслицу. Я знаю что вы считаете нашъ полъ удивительно склоннымъ къ болтовнѣ и въ этомъ убѣждаетесь примѣромъ той, которая и проч.

ПИСЬМО XXX.

С. Петербургъ, 1737.

Милая моя,

Мнѣ нѣтъ отъ васъ покою, берегите и себя. Къ Графу Остерману присоединены еще два лица, которыя теперь составляютъ Тайный Совѣтъ. Одинъ изъ этихъ сановниковъ есть Князь Черкасскій, природный Русскій, первый вельможа (и по мнѣнію народа лучшій) величайшій богачъ, имѣющій до 30000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и одну дочь, которой должно достаться это имѣніе. Что касается до его наружности, то онъ гораздо больше въ ширину нежели въ длину; большая его голова склоняется къ лѣвому плечу; его брюхо, которое такъ велико, перегибается напротивъ къ правой сторонѣ; ноги, весьма короткія, всегда въ ботфортахъ, какъ въ большихъ собраніяхъ такъ и при торжествахъ. Наконецъ вѣнецъ всему, онъ по своей молчаливости, кажется, ни съ кѣмъ въ обществѣ никогда не говаривалъ, развѣ нѣкогда въ славныхъ ассамблеяхъ, которыя

знаете вы и я. Но его богатство и родъ сдѣлали его необходимымъ при занятіи сей почетной должности. Онъ безъ сомнѣнія сдѣлаетъ не много и не будетъ мѣшать совѣтникамъ своимъ краснорѣчіемъ. Другой Кабинетъ-Министръ Графъ Ягужинскій, весьма красивый мужчина; лице его хотя не отличается правильностію, но исполнено величія, живости и выраженія. Въ обхожденіи, свободенъ даже небреженъ, и что въ другомъ показалось бы недостаткомъ въ воспитаніи, то въ немъ весьма естественно, такъ что никто не можетъ быть имъ недовольнымъ. Владѣя такою свободою въ обращеніи, что каждое дѣйствіе его кажется какъ будто случайнымъ, онъ имѣетъ пріимущество, привлекать къ себѣ взоры всѣхъ; и какъ бы ни велико было собраніе, онъ кажется первою особою; одаренъ умомъ высокимъ разсудительностію и живостію, которая такъ ясно выражается во всемъ, что кажется исключительно составляетъ его характеръ; въ самомъ дѣлѣ онъ въ одинъ день дѣлаетъ столько дѣлъ, сколько другой не можетъ сдѣлать въ недѣлю. Если кто проситъ у него покровительства, то отказываетъ прямо, если не можетъ оказать его. «Я немогу вамъ служить, отвѣчаетъ онъ, потому и потому;» если не можетъ рѣшиться вдругъ, то назначаетъ просителю время для отвѣта, и тогда отвѣчаетъ: я буду стараться, или: не могу стараться по такой и по такой причинѣ. Но если онъ уже обѣщаетъ что нибудь принять на себя, то скорѣе умретъ нежели нарушить обѣщаніе. Выражаетъ свои мысли свободно безъ лести предъ самыми высшими сановни-

ками. Если первый сановникъ Имперіи поступаетъ несправедливо, то онъ порицаетъ его съ такою же свободою какъ и низшаго Чиновника. Это на его мѣстѣ такъ опасно, что за него не могутъ не трепетать его друзья. Теперь его особенно боятся высшіе чиновники, потому, что его приговоры, хотя справедливы, но весьма строги и всѣхъ приводятъ въ страхъ. Весьма къ немногимъ онъ питаетъ дружество, хотя весьма многимъ оказываетъ услуги. — Но къ тому кто однажды пріобрѣлъ его расположеніе, онъ всегда останется вѣрнымъ другомъ. Ничто не можетъ разорвать ихъ любви, развѣ когда онъ ясно убѣдится, что удостоенный имъ дружества, не стоитъ его. Онъ старается избѣгать тягостныхъ церемоній, необходимыхъ по его мѣсту и любитъ обѣдать въ кругу своей фамиліи съ какимъ нибудь другомъ. Тогда онъ самый занимательный собесѣдникъ, какого гдѣ либо встрѣтить можно. Я разскажу вамъ примѣръ его человѣколюбія, изъ котораго вы лучше узнаете этого отличнаго человѣка, нежели изъ моего описанія: обѣдая однажды съ нами (точно такъ, какъ я описала выше, — честь, которую онъ оказываетъ намъ изъ дружества къ Г. Р. и расположенія ко мнѣ) онъ слышалъ, что я упоминаю съ участіемъ и состраданіемъ объ одномъ несчастномъ человѣкѣ, (лишившемся милости Императрицы и заключенномъ въ тюрьму) я не стала распространяться больше объ этомъ дѣлѣ, боясь оскорбить его, потому, что онъ пришелъ къ намъ отдыхать отъ дѣлъ. Но онъ спустя нѣсколько минутъ сказалъ мнѣ: «матушка,

(такъ онъ всегда звалъ меня) я постараюсь объ немъ, только теперь не могу). » По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, я искала случая напомнить ему объ его обѣщаніи, которое онъ казалось забылъ. Но онъ приходитъ ко мнѣ въ день рожденія Императрицы и объявляетъ, что этому человѣку возвращена свобода и должность; онъ сказалъ мнѣ при этомъ! я люблю васъ за сострадательное сердце; надѣюсь я доставилъ вашъ живѣйшую радость, избавивъ человѣка отъ несчастія, не бойтесь обращаться ко мнѣ съ подобными просьбами, и не питайте той недовѣрчивости, какую вы мнѣ показали въ то время. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Петра I., который обыкновенно называлъ его, « своимъ глазомъ » потому что, говорилъ онъ, если что нибудь осмотритъ Павелъ, то я знаю это такъ вѣрно, какъ будто бы я самъ видѣлъ, но я вижу, что я исписала всю бумагу и должна сказать вамъ, что я есмь и пр.

ПИСЬМО XXXI.

С. Петербургъ, 1737.

Милая моя,

Я всѣми силами старалась обмануть васъ и увѣрить, что тотъ молодой человѣкъ, которымъ вы плѣнились, не женатъ. Я воображаю, что когда онъ былъ здѣсь, вы хотѣли бы пріѣхать сюда, что бъ обезопасить вашу побѣду; но увы, къ его несчастію, равно какъ и къ вашему, у него много женъ, и онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, и я совѣтую вамъ не предпринимать сюда путешествія, вы видите какое участіе я въ немъ принимаю; я его пришлю къ вамъ, чтобъ показать, какъ несправедливо и жестоко вы поступаете съ Г. Б. и я увѣрена, что вы не устоите противъ моихъ доказательствъ. Какъ бы то ни было, если вы хотите еще пріобрѣтать почетное титло престарѣлой дѣвы, то избѣгайте встрѣчи съ нимъ. Онъ по своей проницательности скоро откроетъ, что ваша жестокость зависитъ отъ уступчивости и покорности Г-на Б. и слѣдовательно не замедлитъ насмѣяться надъ ва-

ми, что теперь сдѣлаетесь женою такого мужа, котораго вы столько времени держали въ своихъ рукахъ.

Я должна разсказать вамъ исторію одной дамы, которой геройству я удивляюсь, но не имѣю ни малѣйшаго желанія подражать ей. Польской Министръ и его жена приглашены были на большой обѣдъ къ Графу Ягужинскому, онъ жилъ на одной сторонѣ рѣки, а Министръ на другой. Во время переѣзда ихъ чрезъ рѣку *проломился ледъ* и они съ санями упали въ воду. Жена Министра была уже въ водѣ по шею, но наконецъ съ большимъ трудомъ спаслась; она отправилась домой, а ея мужъ пошелъ въ гости, извинился предъ хозяиномъ и разсказалъ о случившемся съ женою несчастіи. По хладнокровію ли, или отъ радости, только и она къ величайшему всѣхъ изумленію, отправилась за своимъ мужемъ въ гости, переправилась чрезъ рѣку и явилась въ общество въ новомъ платьѣ. Она не только не обнаружила ни малѣйшаго разстройства, но и танцовала съ нами всю ночь, какъ будто бы ничего не случилось, и послѣ опять чрезъ ледъ отправилась домой по той же дорогѣ. Всѣ спѣшили на перерывъ удивляться ея геройству, но что касается до меня, то я смотрѣла на это совсѣмъ иначе: Я почла это знакомъ легкомыслія, въ которомъ по справедливости обвиняютъ нашъ полъ. Можно-ли отважиться на столь явную опасность, чтобъ быть на балѣ; мнѣ досадно, что это сдѣлала женщина. Сказавъ объ этой дамѣ, я могу еще нѣчто прибавить объ ней и ея соотечественницахъ.

Здѣсь были еще двѣ или три Польки, такія же какъ та. Онѣ прекрасныя, блестящія дамы; не отличаясь особенною красотою, весьма пріятны, веселы, но нѣсколько круты; любятъ танцовать, пѣть и предаваться всѣмъ забавамъ, — и кажется духомъ и тѣломъ созданы такъ что никогда не могутъ утомиться. Онѣ пріятныя собесѣдницы на одинъ часъ, послѣ онѣ становятся несносны, — ихъ нельзя терпѣть потому, что онѣ дерзки; одѣты всегда пышно и имѣютъ многочисленную прислугу; но въ нихъ слишкомъ много національной надменности и пріемовъ свойственныхъ больше дѣтямъ Марса, нежели нѣжному полу. Но эти замѣчанія заставляютъ и меня задуматься; не можете ли вы послѣ этого подумать, что я совершенно вышла изъ своей сферы. Въ самомъ дѣлѣ, если пробѣжать мое къ вамъ письмо, какъ должна я показаться смѣшною, но ваши желанія для меня законъ; исполненіе ихъ есть лучшее доказательство моей къ вамъ дружбы, нежели всегдашнее повтореніе объ ней въ каждомъ письмѣ; и хотя я весьма жалѣю, что у меня нѣтъ умѣнья, удовлетворить вашимъ требованіямъ, впрочемъ я никому въ мірѣ не уступлю драгоцѣннѣйшаго для меня права, именоваться вашею вѣрною преданною.

ПИСЬМО XXXII.

Милая моя,

Вы справедливо браните меня за то, что я ѣздила за рѣку, когда со мною могъ встрѣтиться такой же случай, какой я вамъ описала въ предыдущемъ письмѣ, но Г. Г., разсказавшій вамъ объ опасности, долженъ былъ также упомянуть и о причинѣ, побудившей меня ей подвергнутся. Я ѣздила посѣтить больную иностранку лежащую при смерти, и не имѣющую здѣсь никого знакомыхъ, въ такомъ состоянiи она должна была ввѣриться своимъ слугамъ; можно ли ее не посѣтить? я думаю, вы помирились со мною, согласившись, что милосердiе должно быть важнѣйшею причиною, нежели геройство; тотъ подвигъ (равно какъ и многiе другiе) теряютъ свою цѣну, когда объ немъ узнаютъ всѣ. Скажите когда вы прогуливаетесь въ паркѣ, полномъ народу, можете-ли назвать имена всѣхъ гуляющихъ. Если нѣтъ, то какъ можете спрашивать меня: «какiя еще лица составляютъ дворъ!» я уже описала вамъ людей, управляющихъ вну-

тренними и внѣшними дѣлами государства; остальное есть ничто иное какъ дополненіе и состоитъ, какъ и при всѣхъ дворахъ, изъ военныхъ и собственно придворныхъ чиновниковъ, хотя здѣсь существуетъ большое различіе между этими двумя классами, нежели при другихъ дворахъ. Первые вообще дики и грубы, всегда во фронтѣ, безъ ласковости во взорахъ и пріятности въ пріемахъ; все это раждаетъ понятіе объ ужасномъ ремеслѣ ихъ званія. Они кажется назначены составлять мебель для залы; хотя надобно имъ отдать справедливость, они своими поступками никогда не оправдывали того, къ чему ихъ назначаютъ. Другой классъ напротивъ состоитъ изъ тѣхъ отличныхъ людей, которые весьма обыкновенны и хорошо одѣты. Въ одномъ письмѣ я описывала вамъ одну забаву, и именно катанье съ горы, отъ которой какъ вы можетъ быть думаете, мы сдѣлались канатными танцовщицами и шутихами. Теперь мы сдѣлались кажется драгунами, именно съ тѣхъ поръ, какъ при дворѣ главною забавою сдѣлалось стрѣлянье въ цѣль и бѣганье: отъ этого я уже не могла отговориться, какъ отъ катанья, когда я выстрѣлила, мнѣ сказали, что я попала въ цѣль, тогда какъ я дрожала всѣмъ тѣломъ и не смотрѣла впередъ. Но при всей своей трусости, я еще могу увѣрить, что нѣкоторые изъ тѣхъ отличныхъ людей, о которыхъ я выше говорила, кажется боялись больше меня, и я смѣю сказать, что еслибъ дамы исключены были отъ этой забавы, то они съ радостію отдали бы свои сертуки первой женщинѣ, которая бы захотѣла помѣняться съ ни-

ми своимъ платьемъ. Я впрочемъ согласна съ ними, что всякая женщина должна быть одѣта въ такое платье, которое бы исключало и отъ этихъ забавъ. Впрочемъ придется ли мнѣ быть петиметромъ, забавницей, или во что бы я не нарядилась, я всегда буду постоянна въ моемъ увѣреніи и проч.

ПИСЬМО XXXIII.

С. Петербургъ, 1737.

Милая моя,

Вы безъ сомнѣнія воображаете, что я въ самомъ дѣлѣ сдѣлалась брюзгливою, потому, что какъ вы видите, нахожу величайшее удовольствіе въ томъ, чтобъ описывать характеры лицъ нашего пола. — Или если вы такъ обо мнѣ не думаете, то заставляете меня думать объ васъ, то, чего мнѣ прежде въ голову не приходило. Если мы не заражены излишнимъ самолюбіемъ, то намъ должно бы: лучше стараться, управлять нашими поступками такъ, чтобы они были въ высшей степени безукоризненны, а не искать пятенъ въ поступкахъ другихъ. Такъ какъ я не могу отказаться, отвѣчать на ваши вопросы (хотя и весьма удивляюсь, что вы ихъ предлагаете) то я воображаю что мы болтаемъ за чайнымъ столикомъ и разсуждаемъ о нарядахъ дзя дня рожденія и о Брюсельскихъ кружевахъ; я разсказываю вамъ въ чемъ кто былъ одѣтъ и на комъ было платье по моему вкусу, съ небольшими

замѣчаніями, какія дѣлаются, когда мы говоримъ о нарядахъ, а не объ женщинахъ. Также я буду говорить и здѣсь; хвалю ли я, или порицаю, это не можетъ имѣть никакихъ слѣдствій, потому, что лица мною описываемыя вамъ не извѣстны; иначе вы никогда бы не убѣдили меня дать объ комъ нибудь мое мнѣніе, хотя бы оно и нисколько не оскорбляло чести другаго. Вы изъ моихъ описаній очень хорошо знаете Государыню, Великихъ Княженъ и Герцогиню Курляндскую. Мадамъ Аркассъ, занимаетъ должность Гувернантки у Великой Княжны Анны. Она родомъ изъ Пруссіи и вдова одного Генерала, кажется французскаго. Съ нимъ она была во Франціи, въ Германіи и Испаніи. Она имѣетъ прекрасную наружность, хотя уже не молода, одарена отъ природы острымъ умомъ, который образовала чтеніемъ. Видѣвъ многіе дворы (изъ коихъ при многихъ жила весьма долго) эта женщина пріобрѣла разнообразныя свѣдѣнія объ людяхъ всякаго круга, обращеніемъ съ ними, она такъ образовала себя, что теперь въ состояніи разговаривать и съ принцессою и съ женою ремесленника и ни той ни другой не будетъ въ тягость. Въ частномъ кругу она не теряетъ придворной вѣжливости, а при дворѣ свободы частной жизни. Во время разговора, такъ внимательна, что кажется она старается научиться отъ того, съ кѣмъ она бесѣдуетъ, хотя, я думаю, здѣсь весьма не много людей, которые бы имѣли что либо ей сообщить. Прекраснѣйшіе часы послѣ того, какъ я разсталась съ вами (въ отсутствіе З. Р.), я проводила съ

нею, хотя должность не позволяетъ ей столько заниматься обществомъ, сколь бы того хотѣла я. Но когда я бываю у ней, то никогда не ухожу безъ наставленій и утѣшенія. Она имѣетъ одну дочь, которая наслѣдовала ея доброе сердце и способности ума, только не красоту, въ этомъ отношеніи природа была къ ней мачихой; отъ того она не имѣетъ и половины тѣхъ блистательныхъ качествъ, которыя имѣла бы, еслибъ была красива, но можетъ быть причина этого заключается въ томъ, что лицу того же пола кажется, что она мало имѣетъ блестящихъ качествъ, тогда какъ мужчины найдутъ, что она имѣетъ ихъ очень много. Но вотъ она сама входитъ ко мнѣ и такъ безъ церемоніи и проч.

ПИСЬМО XXXIV.

С. Петербургъ, 1738.

Не думайте, чтобъ вы, заставивъ одну женщину говорить о другой, особенно о многихъ, не услышали чего нибудь соблазнительнаго; по крайней мѣрѣ, исполняя ваши порученія, я остаюсь въ этомъ отношеніи вѣрною своему полу. Мнѣ сдѣлала внизить одна дама, изъ первыхъ здѣшнихъ красавицъ, жена Русскаго дворянина А., котораго вы знали въ Англіи. Она постоянно была вѣрна, если вѣрить разсказамъ, — своему любовнику, который съ своей стороны любилъ ее страстно. Во время ея беременности, я пожелала, чтобъ она своему мужу родила сына. — Спустя не долго, встрѣтившись съ мужемъ, я спросила, «каково здоровье вашей жены?» онъ отвѣчалъ мнѣ, по Англійски: «что вы меня спрашиваете? спросите Графа Левенвольда? онъ объ этомъ знаетъ лучше меня.» Замѣтивъ, что я смѣшалась отъ его отвѣта, онъ прибавилъ;» это всѣмъ извѣстно и сущая правда, только меня ни сколько не безпокоитъ;

меня принудили жениться на ней, тогда какъ я зналъ, что она меня ненавидитъ. Я также не любилъ ее, хотя она и красавица. Я не могу ни любить ее ни ненавидѣть, для меня все равно; и отъ чего мнѣ безпокоиться, если она забавляется съ человѣкомъ, котораго она любитъ, особенно, — надобно отдать ей справедливость — когда ведетъ себя съ такимъ благоприличіемъ, какого только можно желать.» Судите о моемъ стыдѣ, или подумайте, чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Я скажу вамъ, что я сдѣлала, я оставила его съ негодованіемъ и пересказала разговоръ съ нимъ первому попавшемуся на встрѣчу. Его жена говоритъ только по Русски и по Нѣмецки, и потому нашъ разговоръ всегда касается только самыхъ обыкновенныхъ вещей такъ, что я могу сказать вамъ только объ ея наружности, которая чрезвычайно красива. Вотъ все, о чемъ я хотѣла сказать, но не могла совершенно умолчать объ этой низости, которая кажется мнѣ оригинальною, я ненавижу сама себя за злословіе, виновата и едва ли вы простите ту, которая и проч.

ПИСЬМО XXXV.

С. Петербургъ, 1735.

Милая моя,

Я разскажу вамъ теперь объ одной дамѣ, которая, думаю, васъ очаруетъ собою. Она родомъ благородная Венеціанка, жена стараго мужа уроженца Рагузскаго, который за нѣсколько лѣтъ посѣлился здѣсь. Онъ посланъ былъ Петромъ Первымъ съ важнымъ порученіемъ въ Венецію и женился здѣсь на этой женщинѣ, или лучше сказать купилъ ее потому, что онъ чрезвычайно богатъ. Ей теперь 25 лѣтъ, она высока, стройна, мила, благородна и граціозна; черты лица чрезвычайно выразительны, особенно прекрасны ея большіе черные глаза; вообще смотря на ея наружность, я представляю тѣхъ идеальныхъ красавицъ, которыхъ описываютъ въ романахъ. Старый ея мужъ держитъ ее въ заперти и съ трудомъ позволяетъ ей выѣзжать кромѣ Двора, при которомъ она является во всемъ блескѣ, какимъ только могутъ окружить такую прекрасную женщину вели-

колѣпная одежда и драгоцѣнные камни; она носитъ на себѣ, столько прекраснаго жемчугу, что многія особы изъ нашего пола, стали подозрѣвать, что онъ поддѣльной и естественно мучились желаніемъ узнать справедливо, или ложно это подозрѣніе. Такъ какъ здѣсь въ модѣ глупыя забавы, въ продолженіи которыхъ особы обоего пола имѣютъ право дѣлать и говорить тысячи глупостей, то одна дама рѣшилась воспользоватся этимъ обстоятельствомъ для открытія тайны. Въ слѣдствіи этого, въ первое такое собраніе при Дворѣ она говорила съ восторгомъ о прелестяхъ Венеціанки и наконецъ какъ бы желая поцѣловать ее въ шею, схватила зубами одну жемчужину. Она примѣтивъ это, ударила ее въ щеку и сказала: «вотъ вамъ на память, что благородная Венеціанка ни когда не носитъ поддѣльныхъ камней!» женщина оглушенная ударомъ, закричала, что будетъ жаловаться Ея Величеству, Государыня была въ это время въ сосѣдней комнатѣ. Венеціанка отвѣчала спокойно: «и если вы это дѣлали по приказанію Ея Величества, то вы должны бы были мнѣ сказать, еже ли же нѣтъ, то я думаю, что Государыня будетъ очень довольна тѣмъ, что я сама наказала васъ, за вашу дерзость, не безпокоя ее формальною жалобою.» Эта женщина уже съ сихъ поръ не являлась при Дворѣ и поступокъ преданъ забвенію, но вы я думаю говорите: «Люблю Венеціанку за храбрость!» и спѣшите засыпать меня вопросами объ ней. Но я уже сказала вамъ, что ее можно видѣть только при Дворѣ, гдѣ разговоръ бываетъ

общій, и такъ я не могу ни чего сказать. Что касается до этого поступка, то мнѣ кажется, что онъ выше женщины, имѣвшей низость продать себя за деньги дряхлому старику; потому, что въ этомъ случаѣ я очень согласна съ Шоттландскимъ проповѣдникомъ, который сказалъ объ дѣвушкѣ, продавшей свою любовь за маловажную сумму, что она лучше бы поступила, сдѣлавъ это во славу Божію. Признаюсь, что эта дама мнѣ представляется въ столь дурномъ свѣтѣ, что я едва могу говорить съ нею и отвергла ея знакомство, хотя она его искала. Но я могу думать, что вы восхищены поступкомъ этой женщины, въ такомъ случаѣ я смѣю напомнить вамъ то, что вы не одинъ разъ мнѣ говорили, именно что вы по одному толко чрезвычайному ко мнѣ дружеству простите мнѣ, если я въ чемъ нибудь унижу себя; такъ вы говорили мнѣ! и я почла за нужное оставить это знакомство; не желая больше пріобрѣтеній, довольствуюсь называться вашею и проч.

ПИСЬМО XXXVI.

С. Петербургъ, 20 *Іюня* 1739.

Милая моя,

Я очень рада, что вы одобрили мой образъ мыслей, касательно знакомства съ Венеціанкою, мнѣ досадны были только ваши слова: «я люблю ее; но знаю, что не могу соперничать съ нею въ такихъ подвигахъ,» впрочемъ я утѣшилась, прочитавъ ваши сужденія на счетъ недостатка вкуса въ сдѣланномъ ею выборѣ супруга; потому, что увѣрилась, что вы ее любите только за то, что она минутно и сильно воспламѣняется гнѣвомъ при обидѣ,» я думаю она не прольетъ слезы, услышавъ упрекъ отъ своего друга, слабость, которую какъ я знаю, вы презираете.

Мы всѣ заняты теперь приготовленіемъ къ браку Великой Княжны Анны, съ Принцемъ Брауншвейгскимъ, кажется я еще вамъ не сказала, что онъ пріѣхалъ сюда за шесть лѣтъ, съ надеждою получить руку Княжны. Ему тогда было не больше 14. лѣтъ; съ тѣхъ поръ воспитывали его вмѣстѣ

съ Княжною, чѣмъ надѣялись поселить въ нихъ взаимную привязанность; но это, кажется, произвело совершенно противное дѣйствіе, потому, что она оказываетъ ему болѣе нежели ненависть — презрѣніе. Принцъ имѣетъ прекрасную наружность и пріятное лице, но во взорахъ его выражается какая то женская изнѣженность и отчасти дикость, происходящая кажется отъ всегдашняго принужденія, въ которомъ онъ здѣсь воспитывался. Такъ какъ онъ готовится въ мужья столь высокой невѣстѣ, то его держали въ отдаленіи отъ людей. Эти недостатки, равно какъ и то, что онъ говоря всегда заикается, поставляютъ меня въ затрудненіе объ его достоинствѣ. Онъ отличился въ двухъ кампаніяхъ подъ предводительствомъ Фелдьмаршала Миниха; говорятъ, что отъѣздъ его въ армію подалъ мысль Герцогу Курляндскому соединить Княжну бракомъ съ своимъ сыномъ. Такъ какъ Великая Княжна показывала явное презрѣніе къ Принцу Брауншвейгскому, то Герцогъ надѣялся въ отсутствіе его дать этому дѣлу оборотъ въ свою пользу. Въ слѣдствіе этого онъ, на прошедшей недѣлѣ, отправился къ Княжнѣ Аннѣ и сказалъ ей: «что присланъ Ея Величествомъ объявить ей, что она должна вступить въ бракъ; выборъ ея долженъ пасть, или на Герцога Брауншвейгскаго, или на Принца Курляндскаго.» Она отвѣчала, «что готова повиноваться повелѣніямъ Ея Величества, хотя на этотъ разъ, она сознавалась, съ большею неохотою. Для нее гораздо легче бы умереть; нежели выйти за котораго нибудь изъ

предлагаемыхъ жениховъ, Но если уже должно имѣть кого нибудь супругомъ, то избираетъ Принца Брауншвейгскаго.» Вы можете представить какъ жестоко пораженъ былъ Герцогъ Курляндскій и его приверженцы, которые на этомъ обстоятельствѣ строили самые блестящіе планы. Теперь Принцесса поступаетъ съ Герцогомъ съ благоразумною политикою и его обманываетъ. Но я увѣрена, что она скоро обнаружитъ свои истинныя мысли, когда она не будетъ имѣть нужды скрывать ихъ, то подобнымъ образомъ низвергнетъ ненавистнаго Герцога съ высоты его. Она въ самомъ дѣлѣ не любитъ никого, и такъ какъ неохотно повинуется, то и ненавидитъ Герцога еще болѣе. Но теперь она принуждена обращатся съ нимъ ласково. Какъ бы то ни было, теперь происходятъ большія приготовленія къ свадьбѣ, которая будетъ сыграна съ величайшею пышностію. — Послѣ свадьбы, я опишу вамъ ее какъ могу, думаю, что это будетъ ваше приказаніе для меня и проч.

ПИСЬМО XXXVII.

С. Петербургъ 1739.

Г. Вы уже безъ сомнѣнія знаете изъ вѣдомостей, что наша свадьба кончилась и ждете моего описанія Маркизъ Ботта, Министръ Императора, именованъ на этотъ случай (только на три дни) посланникомъ для того чтобъ формально, именемъ своего Государя, требовать руки Принцессы его племяннику Принцу Брауншвейгскому. Въ субботу Маркизъ выѣхалъ изъ города въ Монастырь Александра Невскаго, изъ котораго въ Воскресенье имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ, какъ посланникъ; стеченіе народа было многочисленнѣйшее. Въ Понедѣльникъ предсталъ предъ Ея Величество просить руки Принцессы. — Императрица стояла подъ балдахиномъ на тронѣ возвышавшемся на 12 ступеней; въ концѣ залы, позади стояли большія кресла и столъ по лѣвую руку. Главные придворные сановники занимали ступени трона. Впереди стояли Камеръ - Пажи, Знатнѣйшее дворянство,

иностранные Министры помѣщены были по лѣвую сторону Престола въ три ряда, дамы по правую сторону въ томъ же порядкѣ. Ни одна изъ Принцессъ, ни Герцогъ, ни Герцогиня, не явились сюда, кромѣ Великой Княжны Елисаветы съ своимъ Дворомъ. Посланникъ имѣлъ пышную свиту; поклонившись Ея Величеству, онъ взошелъ на ступень Престола, надѣлъ шляпу, когда началъ говорить, но скинувъ опять, вручилъ бумаги. Вмѣсто Государыни отвѣчалъ Великій Канцлеръ; когда удалился посолъ, то приблизился къ Трону Министръ Принца Вольфенбиттельскаго, говорилъ рѣчь и подаль бумаги, только не всходя на ступень Престола и не накрывая головы. Во все это время царствовала глубокая тишина, такъ, что можно было слышать, еслибы упала булавка; слышны были только рѣчи Министровъ. Величественный видъ и богатая одежда Ея Величества, важность ея особы, блескъ собранія дѣлали эту церемонію торжественною и великолѣпною. Какъ скоро удалился Министръ Волфенбиттельскій, Ея Величество въ сопровожденіи всѣхъ Присутствующихъ изволила шествовать въ длинную Галлерею, въ которой вся Свита остановилась въ прежнемъ порядкѣ; Государыня стала подъ балдахиномъ, подъ которымъ однако не было Трона. Когда она сѣла, то явился Принцъ для принесенія благодарности за удостоеніе руки Принцессы. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлое отличное платье, шитое золотомъ. Его прекрасные длинные волосы вились локонами и лежали по плечамъ. — Я не могу умольчать, онъ казался мнѣ

жертвою обреченною къ погибели. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, Императрица поставила его на правой сторонѣ подлѣ себя подъ балдахиномъ. Призванъ былъ посолъ, который поставленъ по лѣвую руку. Тогда Великій Канцлеръ и Князь Черкасскій ввели Принцессу, которая остановилась предъ Императрицей. Ея Величество сказала ей: «я дала свое согласіе на то, чтобы ты была супругою Принца.» При этихъ словахъ Принцесса обняла свою тетку и начала плакать. Ея Величество нѣсколько времени держала себя съ важностію, но скоро она смѣшала свои слезы съ слезами племянницы. Спустя нѣсколько минутъ посланникъ уже могъ занимать разговорами Императрицу. Великій Канцлеръ началъ говорить съ Принцессою. Ея Величество принявши прежній видъ сама сняла кольцо съ рукъ Принцессы и Принца, обмѣнявъ ихъ подала назадъ обоимъ. Послѣ того повѣсила портретъ жениха на руку невѣсты, поцѣловала обоихъ и поздравила. Великая Княжна Елисавета, подошедъ поздравить невѣсту, обняла ее и залилась слезами. Императрица сама отвела ее прочь; Принцесса Анна должна была позволить присутствующимъ цѣловать ея руку. — Во все время поздравленія она плакала. Принцъ поддерживалъ ее, но смотрѣлъ холодно на потоки ея слезъ. Когда кончилось поздравленіе, Ея Величество удалилась во внутренніе покои, собраніе разошлось по домамъ, приготовляться къ слѣдующему дню на свадьбу. На другой день во вторникъ иностраннымъ Министрамъ отведена была особенная зала, изъ которой можно было видѣть про-

цессій, въ церкви также назначено было мѣсто, которое они должны были занять по окончаніи процессіи, ибо по церемоніалу не положено было имъ присутствовать при процессіи, потому, что никто не хотѣлъ занимать мѣста ниже своихъ товарищей. Принцъ первый прибылъ въ Церцовь съ своимъ Дворомъ, безъ излишней пышности; потомъ, пріѣзжали кареты высшихъ сановниковъ и знатнаго дворянства. Ихъ экипажи были чрезвычайно роскошны. У каждаго предъ каретою шло до десяти человѣкъ лакѣевъ пѣшкомъ, у иныхъ по сторонамъ бѣжали еще два скорохода, съ различными кривляньями; у одного изъ нихъ, и это было самое лучшее въ этомъ родѣ, скороходами были два Негра, одѣтые въ черное бархатное платье, подъ цвѣтъ ихъ кожи; отъ чего они казались нагими, лишь одни перья, расположенныя по Индѣйски, покрывали ихъ. За этими каретами пріѣхала коляска Принца Карла, младшаго сына Герцога Курляндскаго съ 12 лакеями впереди, четырьмя скороходами, двумя пажами, двумя гайдуками и двумя дворянами ѣхавшими верхомъ. Потомъ прибылъ старшій братъ его Принцъ Петръ такимъ же образомъ. Потомъ Герцогъ въ великолѣпнѣйшей каретѣ, съ 24 лакеями впереди, осмью скороходами, четырьмя гайдуками, четырьмя пажами, кромѣ того ѣхали за каретою верхомъ его Шталмейстера, Маршалъ, и два Камергера; у двухъ послѣднихъ были свои лакеи въ собственныхъ ливреяхъ. Наконецъ прибыла Императрица съ невѣстою, Ея карету сопровождали 1., 48 лакеевъ, 12 скороходовъ, 24 пажа съ ка-

меръ-пажемъ ѣхавшимъ верхомъ. 2., Камергеры верьхами, каждый съ своимъ скороходомъ, державшимъ лошадь за поводья, и двумя слугами въ своихъ ливреяхъ; одинъ слуга съ лошадью. 3., Придворные чиновники, каждый съ двумя скороходами, ведшими по лошади, и четырьмя слугами, изъ коихъ трое съ лошадьми; ливреи и сбруя блистали роскошью. 4., Оберъ-штал-мейстеръ въ сопровожденіи двухъ нижнихъ чиновъ. 5., Оберъ-Егермейстеръ, въ сопровожденіи нижнихъ чиновъ, въ своемъ костюмѣ. 6., Гофмейстеръ, съ своимъ жезломъ. 7., Оберъ-Гофмейстеръ, съ своимъ жезломъ, каждый съ слугами, въ собственныхъ ливреяхъ, какъ и камергеры. 8., Четырехмѣстная карета чрезвычайно богатая, запряженная цугомъ лошадей, въ ней Императрица сидѣла впереди на противъ невѣсты. Невѣста была одѣта въ парчевое платье шитое золотомъ и серебромъ, съ передникомъ блиставшимъ алмазами; волосы были завиты, въ четырехъ косичкахъ сіяли драгоцѣнные камни и утверждались небольшою алмазною короною; кромѣ того, драгоцѣнныя камни блистали въ ея черныхъ локонахъ Всѣ эти драгоцѣнности были чрезвычайно къ лицу. — 9., Велпкая Княжна Елисавета съ своимъ Дворомъ, который помѣщался въ семи каретахъ, съ служителями, въ томъ же порядкѣ какъ и при Ея Величествѣ, только не въ такомъ числѣ. 10., Герцогиня Курляндская и Ея дочери въ одной каретѣ съ Дворомъ, также какъ Великая Княжна Елисавета. — 11., Жены знатнѣйшихъ дворянъ въ каретахъ и съ такою же прислугою

какъ и у ихъ мужей, ѣхавшихъ впереди Императрицы. Роскошь каретъ и ливрей чрезвычайна, изъ Церкви возвращались въ томъ же порядкѣ, только невѣста и женихъ ѣхали уже въ одной каретѣ, въ сопровожденіи ихъ Двора и непосредственно за Императрицею. Вся свита кромѣ ближайшихъ придворныхъ должна была отправиться въ большую придворную залу для принятія новобрачныхъ. Входъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: 1., Императрица введена Герцогомъ Курляндскимъ. Она одѣта была въ темное штофное платье, шитое золотомъ, весьма богатое и по моему вкусу весьма красивое, съ множествомъ жемчугу, но безъ драгоцѣнныхъ камней. 2., Невѣста поддерживаемая женихомъ. Платье жениха было изъ одинаковой матеріи и одинаковаго цвѣта съ платьемъ невѣсты. 3., Великая Княжна Елисавета, поддерживаемая Петромъ, Принцемъ Курляндскимъ. Она одѣта была въ малиновое платье, шитое серебромъ и убрана множествомъ камней. Герцогиня Курляндская съ своимъ младшимъ сыномъ. На ней было бѣлое атласное платье, шитое золотомъ, со множествомъ рубиновъ. 5., Ея дочь, поддерживаемая Княземъ Черкасскимъ, одѣтая въ шелковое платье, вышитое цвѣтами по серебреной землѣ. Когда всѣ взошли въ залу явился посланникъ, и поздравилъ новобрачныхъ; за нимъ поздравляли иностранные Министры и все общество. Ея Величество кушала только съ новобрачными и Великою Княжною Елисавѣтою. Всѣ остальные разошлись по домамъ, изнуренные усталостію; потому, что поѣздъ начался въ 9 часовъ утра и

когда мы дома сѣли за столъ, то ударило 9 часовъ вечера. Въ 10 часовъ всѣ собрались опять ко двору, въ которомъ открытъ балъ и продолжался до 12 часовъ. Въ это время Императрица отвела невѣсту въ Ея апартаменты, позволивъ слѣдовать за собою только Герцогини Курляндской, двумъ Русскимъ Штатсъ-дамамъ и женамъ тѣхъ иностранныхъ Министровъ, коихъ мужья были близки къ Принцу. Впрочемъ только Императорскій резидентъ и Г. Р., получили то преимущество, чтобъ жены ихъ были допущены въ это число и такъ какъ жена Императорскаго резидента была въ это время больна, то изъ иностранокъ была только я. Когда мы взошли въ апартементъ невѣсты, то Императрица приказала Герцогинѣ и мнѣ раздѣть новобрачную. Послѣ мы одѣли ее въ бѣлой отласной шлафрокъ съ брюссельскими кружевами, и послали звать Принца. Онъ пришелъ съ однимъ Герцогомъ Курляндскимъ, въ спальномъ платьѣ; лишь только онъ взошелъ, Императрица поцѣловала обоихъ, и простившись съ величайшею нѣжностію отправилась въ своей каретѣ въ лѣтній дворецъ, приказавъ Оберъ-Гофмейстеру, проводить меня домой; потому, что все общество уже разъѣхалось, когда Императрица увела невѣсту. Я пріѣхала домой, едва живая отъ усталости, въ три часа утра. Всѣ дамы были одѣты на балѣ въ дорогія платья, такъ что трудно изобразить богатство нарядовъ. Не смотря на то, что свадьба была въ Іюлѣ, ни одна дама не хотѣла надѣть легкаго платья.

Въ среду новобрачные обѣдали у Императрицы

въ лѣтнемъ Дворцѣ. Она переѣхала съ ними послѣ обѣда опять въ зимній Дворецъ, куда приглашены были всѣ присутствовавшіе на свадьбѣ, и явились въ новыхъ нарядахъ т. е. не въ тѣхъ, въ какихъ были на канунѣ; на невѣстѣ было платье изъ золотой парчи съ золотыми цвѣтами, обшитое бахрамою. Женихъ былъ одѣтъ въ кафтанъ изъ золотой матеріи. Балъ и ужинъ были въ большой залѣ для всего собранія, Невѣста, женихъ, Великая Княжна Елисавета и семейство Герцога Курляндскаго сидѣли за столомъ. Императрица, которая никогда не ужинаетъ, въ это время ходила во кругъ столовъ и разговаривала со всѣми, съ обыкновенною привѣтливостію. Ужинъ былъ весьма роскошенъ. Водопадъ устроенный въ залѣ и бившій водою во все это время, могъ всѣмъ казаться, какъ будто бы онъ тутъ былъ вѣчно.

Четвергъ былъ послѣднимъ днемъ брачнаго торжества, потому что какъ Императрица такъ и Ея гости имѣли нужду въ покоѣ. Впрочемъ въ пятницу послѣ обѣда былъ маскерадъ. Составлены были четыре кадрили, каждая изъ 12 дамъ, кромѣ такъ называемыхъ распорядителей кадрилей. Въ первой управляли танцами женихъ и невѣста, которые были въ домино оранжеваго цвѣта, въ маленькихъ шапочнахъ также оранжевыхъ, съ серебряными кокардами и въ кружевныхъ манишкахъ, привязанныхъ лентами того же цвѣта. Прочія пары одѣты были также, — онѣ состояли изъ иностранныхъ Министровъ и ихъ женъ, особенно тѣхъ, которыхъ мужья были близки къ Принцу, или къ Принцессѣ.

Второю кадрилью распоряжали Великая Княжна Елисавета и Принцъ Петръ, одѣтые въ зеленыя домино, съ золотыми кокардами на головахъ. Ихъ пары имѣли такой же нарядъ. Третью кадрилью распоряжали Герцогиня Курляндская и Графъ Салтыковъ, (родственникъ Императрицы), въ голубыхъ домино съ серебреными и коричневыми кокардами. Четвертою кадрилью управляли дочь и младшій сынъ Герцога, въ коричневыхъ домино съ зелеными и серебреными кокардами. — Прочіе гости были одѣты, какъ кому нравилось. Ужинъ былъ въ круглой залѣ только для четырехъ кадрилей. Вокругъ стола поставлены были лавки; какъ лавки, такъ и столы казались сдѣланными изъ дерну, потому, что покрыты были мохомъ и цвѣтами, кои можно было почесть натуральными. Весь ужинъ не смотря на его роскошь казался сельскою пирушкою. Императрица во весь ужинъ была безъ маски.

Въ субботу Ея Величество и большое общество обѣдало въ апартементахъ новобрачныхъ. Въ продолженіи обѣда они прислуживали при столѣ, по старинному Русскому обыкновенію. Послѣ обѣда разыграна была опера во Дворцовомъ театрѣ.

Въ Воскресенье былъ маскерадъ въ саду лѣтняго Дворца, который былъ прекрасно иллюминованъ, и фейерверкъ на рѣкѣ, текущей мимо сада. Одѣвались, кто какъ хотѣлъ, иные были одѣты со вкусомъ, другіе роскошно. Такимъ образомъ кончилась эта великолѣпная свадьба, отъ которой я до сихъ поръ не могу опомниться, и что всего хуже,

вся эта тревога сдѣлана была для двухъ человѣкъ, которые какъ я полагаю, сердечно ненавидятъ другъ друга. По крайней мѣрѣ, я думаю, что это вѣрно. Она показывала это какъ прежде такъ и въ продолженіи всѣхъ этихъ праздниковъ, и продолжаетъ до сихъ поръ съ нимъ обращаться съ величайшимъ презрѣніемъ, когда не видитъ предъ собою Императрицы. Я прошу васъ не спрашивать меня больше объ этой свадьбѣ, я довольно мучила васъ этимъ наборомъ всякой всячины и уже стыжусь своего письма. Здѣсь столь много было всего, что я совершенно растерялась и не могла всего представить въ порядкѣ; теперь голова и рука отказываются служить мнѣ, я могу только увѣрить васъ, что я и проч.

Конецъ.